

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. ЛѢТЪ продаются по 20 к.
Объявл.—30 к. съ стр. печ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонимара
считаются безплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1901 г. V годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 1 Января.

СОДЕРЖАНІЕ: На рубежѣ столѣтій.—Театрально-полицейскія недоразумѣнія.—За кѣмъ илти? Проф. Ив. Иванова.—Снѣгурочка. Арсенія Г.—Хроника театра и искусства.—Письмо въ редакцію В. Аничковой-Ивановой.—Народный домъ Императора Николая II Вл. Линскаго.—Изъ Москвы А.—Тоже птицы, стихотвор. И. Гриневской.—Театральныя замѣтки А. К—елл.—Переписчикъ. П. П. Гиндича.—Письмо изъ Кіева Н. Николаева.—Провинциальная лѣтопись.—Объявленія.

№ 1.

Рисунки: К. А. Варламовъ въ роли царя Берендѣя (рис. А. Ростиславова).—Новое обозрѣніе Петербурга (рис. С. Панова).—«Марія Стюартъ» (рис. А. Любимова).—2 виньетки.

Портреты: К. А. Варламовъ въ разныхъ роляхъ (8 портр.), г. Глюксен-Добровольскій (2 портр.), Е. Е. Славянского и А. Е. Петрова.

Приложеніе: «Потемки души» (Исторія болѣзни Пытосева) пьеса въ 4 д. В. О. Трахтенберга.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1901 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

52 №№ журнала (около 1000 страниц).

20 репертуарныхъ пьесъ.

12 выпусковъ Библиотеки увеличиваемой въ объемъ и дополняемой отдѣломъ практическихъ указаній.

12 нотныхъ приложеній.

2—3 выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

6 р. на годъ, 4 р. — полгода.

Разсрочка допускается на прежнихъ основаніяхъ, по 2 р. въ три срока: при подпискѣ, 1 Марта и 1 Юня.

Въ 1901 г. будутъ между прочимъ, даны подписчикамъ пьесы: „Потемки души“, („Исторія болѣзни Пытосева“), В. Трахтенберга, „Пережитое“ І. Радзивиловича, „Дымъ отечества“ В. Кожеевникова (всѣ премированы на конкурсѣ Лит.-Худож. Общества); новыя пьесы Вл. Ив. Немировича-Данченко и И. Н. Потапенко, заканчиваемыя авторами, новая пьеса Гауптмана, новая комедія В. В. Билибина „Зимній вечеръ“ И. Яковлева, „Антрактъ“ О. Димова и др.

С.-Петербургъ, 1 Января.

Мы вступили въ новое столѣтіе. Новое столѣтіе представляетъ, во всякомъ случаѣ, то преимущество, что избавляетъ отъ необходимости пользоваться старымъ выраженіемъ «конецъ вѣка», подъ которымъ разумѣлось все, что выходило за предѣлы рутины, окаменѣвшихъ шаблоновъ, привычныхъ формъ. Никто не говорилъ: «не понимаю», но всѣ говорили: «конецъ вѣка». И точно также никто не рѣшался называть кривляніе кривляніемъ, лицемеріе—лицемеріемъ, ходульность—ходульностью, новѣждливо выражались: «конецъ вѣка», и успокаивались на этомъ, какъ будто рѣшили и выяснили важный вопросъ.

«Конецъ вѣка» больше нѣтъ. Насталъ новый вѣкъ. Обманы дѣйствительности и ложъ художественныхъ извращеній потеряли очень удобную и интересную маску. Надо быть наивнымъ, чтобы придавать большое значеніе номенклатурѣ явленій. Но съ другой стороны, удачная номенклатура часто закрываетъ глаза на дѣйствительную сущность и цѣнность явленій. Въ искусствѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, новыя формы и идеи, вступившія въ жизнь и обновившія ея теченія, вызвали спутанность и недоумѣніе. Валили въ одну кучу и непонятое, но глубокое въ источникахъ и искреннее по настроенію, исканіе новыхъ путей, и холодную, шарлатанскую рисовку формулами модныхъ теченій. Все это называлось «концомъ вѣка»: отъ Беклина въ живописи, отъ Ибсена въ драмѣ, отъ Дуэ въ театрѣ—доходили до жалкихъ, бездушныхъ фокусниковъ, которые ломались и притворялись декадентами и готовы были притвориться чѣмъ угодно, лишь-бы пользоваться общественнымъ вниманіемъ. Отъ Верлена перебрасывали мостъ къ автору жалкихъ виршъ

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.

Ленинградская театральная

Библиотека

ИМЕНА А. А. ДУН

вродѣ пресловутаго стиха: «О, закрой свои блѣдныя ноги!»—и не разбираясь въ тонкостяхъ и подробностяхъ, откладывали все вмѣстѣ до болѣе удобнаго времени, когда произойдетъ переборка.

Теперь уже незачѣмъ больше медлить. Формальный предлогъ, во всякомъ случаѣ, больше не существуетъ. Пора рассортировать весь кругъ сложныхъ явленій «конца вѣка», и что вошло въ жизнь, и можетъ войти въ него, отдѣлить отъ вымученныхъ потугъ и хладнокровнаго шарлатанства.

Какое мѣрило?—спросите вы.

Да мѣрило только одно и есть: это — правда. Правда, понимаемая въ натуралистическомъ смыслѣ, какъ возсозданіе реальныхъ признаковъ; правда символизма, какъ правда настроенія, неуловимаго колорита, царящаго надъ жизнью; правда, выраженная въ дѣйствіяхъ, или правда, лишь безсознательно ощущаемая внутри, правда молчанія, — все равно, для человѣческой оцѣнки нѣтъ другой опоры, какъ чувствовать правду или не чувствовать ее. Начало нынѣшняго новаго вѣка представляетъ преимущество предъ началомъ истекшаго, въ смыслѣ отношенія къ искусству. Начало XIX вѣка было насчетъ искусства довольно беззаботно. Конецъ XVIII вѣка передалъ XIX вѣку много вопросовъ, но среди нихъ искусству было отведено скромное и малозамѣтное мѣсто. Практическая ясность и даже прямолинейность задачъ—таковъ былъ лозунгъ конца XVIII вѣка. Для шарлатанства, тумана и фразеологіи было мало простора. Конецъ XIX вѣка, наоборотъ, затронулъ сокровеннѣйшія стороны человѣческаго духа, его эстетику, его мораль, двѣ основныя и неуловимѣйшія основы и опоры существованія. Не смутю умовъ, но смутю сердца, запечатлѣнъ былъ нашъ «конецъ вѣка», а это наслѣдство, съ виду незамѣтное, представляетъ наибольшую тяжесть.

Но мы покончили съ «концомъ вѣка». По крайней мѣрѣ, постараемся себя увѣрить въ этомъ. Рѣшимъ для бодрости духа, что все темное и безпокойное, какъ ночныя тѣни, осталось гдѣ-то позади; что взошла новая заря; что непонятное станетъ яснымъ; что, одолевая сомнѣніями, художественная мысль видитъ предъ собою полосу разсвѣта и увѣренно движется къ ней навстрѣчу, туда, гдѣ восходитъ солнце...

«Солнце!» какъ восклицаетъ въ «Призракахъ» Ибсена герой, заключая этимъ восклицаніемъ тяжелую страницу прошлаго...

На первомъ Съѣздѣ сценическихъ дѣятелей былъ возбужденъ вопросъ объ изытаніи театра изъ вѣдѣнія полиціи. Эта «романтическая» фантазія, разумѣется, не рассматривалась въ серьезъ собраніемъ. Но собраніе, однако, приняло слѣдующую резолюцію, которую, на первый взглядъ, можно было-бы считать излишней, если-бы «краснорѣчіе фактовъ» не убѣждало въ противномъ. Вотъ эта резолюція.

«Ходатайствовать о воспрещеніи полицейскимъ учрежденіямъ удерживать у сценическихъ дѣятелей виды на жительство въ теченіе цѣлаго сезона, предложивъ руководствоваться въ этомъ отношеніи общимъ порядкомъ, существующимъ для всѣхъ русскихъ гражданъ». (См. «Труды перваго всероссій-

скаго Съѣзда сценич. дѣятелей» ч. I, Спб. 1898 г., стр. 126).

Что это подтвержденіе общаго порядка было излишнее, можно заключить изъ слѣдующаго процесса, рассматривавшагося въ Сенатѣ. Въ г. Крапивну (Тульской губ.) прибыла труппа актеровъ. Мѣстный исправникъ отказалъ представителю ея въ разрѣшеніи спектаклей, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что незадолго гостившая другая труппа кончила свои представленія скандаломъ. Когда-же актеръ сталъ вторично просить исправника, тотъ выгналъ его со словами: «вонъ, мерзавецъ!» Мало этого, суровый «градоправитель» предложилъ труппѣ дать подписку въ томъ, что она уѣдетъ изъ Крапивны; подписка, очевидно, была вынужденною, и три члена труппы (двое мужчинъ и одна дама) остались въ городѣ. Тогда исправникъ заключаетъ двухъ актеровъ въ тюрьму, гдѣ держитъ ихъ недѣлю, а затѣмъ по этапу выселяетъ на родину, несмотря на присутствіе у актеровъ узаконенныхъ видовъ на жительство... На судѣ исправникъ оправдывался тѣмъ, что труппа яко-бы «нищенствовала», т. е. по просту собирала деньги на выѣздъ. Эта выдумка не подтвердилась, но если-бы это даже и вѣрно было, что измѣняетъ оно въ картинѣ волюющаго произвола?

Самое замѣчательное, — что исправникъ былъ убѣжденъ въ своей правотѣ: ибо что такое актеръ? Московская Судебная Палата наказала его мягко: тремя недѣлями ареста, но онъ подалъ жалобу въ Сенатъ... Сенатъ, разумѣется, оставилъ жалобу безъ послѣдствій.

Вотъ еще иллюстрація: «Донская Рѣчь» сообщаетъ, что Луганскій исправникъ отдалъ содержателю бродячаго цирка Васильеву какую-то дѣвочку, очевидно, безпріютную сироту, въ «обученіе» «подъ росписку»... Точно шубу—на сохраненіе... Дѣвочка въ Ростовѣ-на-Дону жалуется на истязанія ея Васильевымъ и просится въ балаганъ нѣкоего Пиличенко, который, вѣроятно, чѣмъ-нибудь заманилъ ребенка. Тогда Васильевъ торжественно объявляетъ о выданной имъ Луганскому исправнику «роспискѣ»... на дѣвочку... Ростовская полиція изъ недоумѣнія, кому «выдать» дѣвочку: Васильеву, Пиличенко или Луганскому исправнику?.. Этотъ фактъ «разсѣянности» исправника, распорядившагося театральнымъ ребенкомъ, какъ неодушевленной вещью, развѣ не свидѣтельствуешь о странномъ полукочевомъ положеніи актера?

Актеръ не добивается никакихъ привилегій. Онъ желаетъ жить и существовать на «общемъ основаніи законовъ». Но для того, чтобы вкушать блага легальнаго существованія, необходимо пересмотрѣть устарѣвшихъ узаконеній и тѣхъ распространительно толкуемыхъ статей «Устава о предупр. и пресѣч. преступленій», которыя въ рукахъ разсѣянныхъ, иногда не слишкомъ просвѣщенныхъ и во всякомъ случаѣ, заваленныхъ работой полицейскихъ чиновъ приводятъ къ фактамъ, вроде вышеприведенныхъ. Второй Съѣздъ, надѣмся, вернется къ этому вопросу, и постарается спокойно, не увлекаясь несбыточными фантазіями, выработать практическія мѣры, которыя могли-бы быть одобрены правительственною властью и приняты къ руководству подчиненными органами.

ЗА КѢМЪ ИДТИ?

I.

К. А. ВАРЛАМОВЪ, ВЪ РАЗНЫХЪ РОЛЯХЪ.

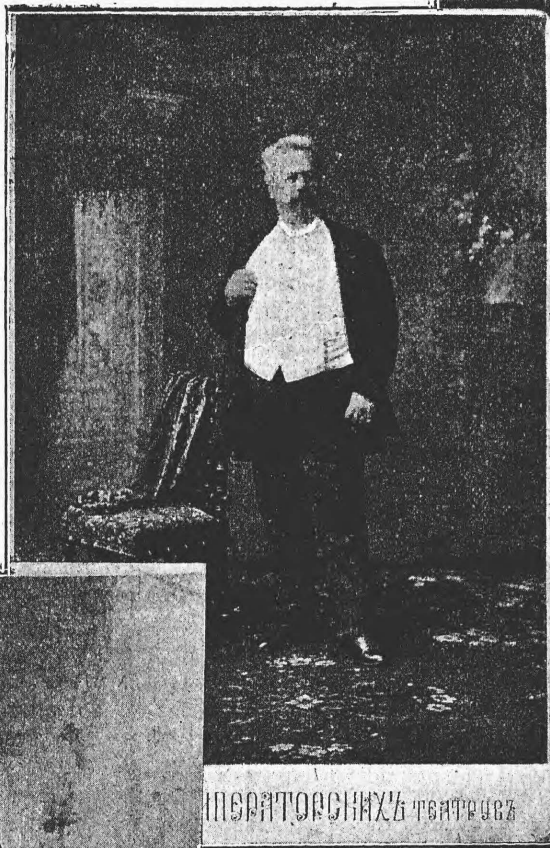
Въ настоящее время вниманіе литературнаго и театральнаго міра сосредоточено преимущественно на двухъ писателяхъ—гр. Толстомъ и Ибсенѣ. Драматическія произведенія ихъ вызываютъ почти одинаково сильный и широкій интересъ,—но съ нѣкоторыми оттънками.

Въ славѣ гр. Толстого имѣется крупная доза анекдота и рекламы,—вообще сенсационнаго элемента. Сюда входятъ и вегетаріанство, и одурманиваніе совѣсти табакомъ, и мужицкое одѣяніе и многія другія интригующія принадлежности „опрошенія“. Извѣстность Ибсена скромнѣе, можетъ быть, тусклѣе, — но за то качество ея однородно, зиждется исключительно на гражданскихъ и нравственныхъ идеяхъ писателя. За то въ этой области, — можно смѣло сказать, — врядъ-ли какой современный писатель вызвалъ такую разнорѣчивую, весьма часто ожесточенную полемику.

На вопросъ,—что изъ себя представляетъ гр. Толстой, какъ писатель-проповѣдникъ, — вамъ дастъ болѣе или менѣе точный отвѣтъ всякій иностранецъ, интересовавшійся задачей. И притомъ, отвѣтъ будетъ совершенно въ европейскомъ духѣ, въ общемъ простое воспоминаніе. Гонимое на цивилизацію, на науку, на культурное общество, воззванія къ благой, вымирающей природѣ,—кто изъ европейцевъ не читалъ всего этого въ ранней молодости въ сочиненіяхъ Руссо, Шил-

Митричъ, «Власть Тьмы».

Столбцовъ, «Новое Дѣло».

Галтинъ, «Борцы».

лера? Найдутся, разумѣется, кое-какіе оттънки,—но сущность-то у всѣхъ „естественныхъ людей“ одинакова.

Совсѣмъ другое дѣло Ибсена.

На первый взглядъ,—будто сходство съ русскимъ писателемъ,—т. е. въ высшей степени отрицательное отношеніе къ современному обществу, рѣзкая критика его, повидимому, высшихъ формъ общежитія,—въ родѣ демократіи. Но, очевидно, сходство только внѣшнее и призрачное. Это можно заключить на основаніи поразительно сильныхъ чувствъ, вызываемыхъ Ибсеномъ въ той средѣ, гдѣ съ гр. Толстымъ крѣпко примиряются и даже именуютъ „геніальнымъ“.

Среда эта—французская и итальянская интеллигенція. Именно во Франціи и въ Италіи Ибсенъ до сихъ поръ является въ образѣ какого-то нравственнаго чудовища. Въ Италіи бывали случаи, когда возмущенная публика свистками и бранью заставляла прекращать представленіе „Норы“. И это не было исключительнымъ подвигомъ какихъ-нибудь заскоружлыхъ и захоластныхъ мѣщанъ.

Печать безусловно присоединялась къ протестующему слову народа. Она краснорѣчиво доказывала, что Ибсенъ—нѣкій апокалипсическій злой духъ. Въ концѣ второй тысячи лѣтъ онъ явился надъ растеряннымъ человѣчествомъ, подобно зловѣщимъ призракамъ, смущавшимъ людей въ исходѣ перваго тысячелѣтія. И для него нѣтъ ничего не-

прикосновеннаго, ничего достойнаго жизни. Его дикое творчество, будто волны разъяреннаго моря, стремятся смыть съ лица земли красоту, истину, свободу. Ибсеновское слово будто огненный мечъ, ливнущійся предъ древнимъ царемъ, направленный на все, чѣмъ живы современные люди... Какой ужасъ! Можно оцѣпить или загорѣться праведнымъ гнѣвомъ предъ этимъ подлиннымъ „врагомъ человѣчества“.

Бѣдная Италия!

Когда-то она испытала во всей прелести настоящихъ „сверхъ-человѣковъ“, — въ родѣ Нероновъ и Борджиа, — теперь она имѣетъ одну завѣтную мысль, — какъ-бы прожить тише и благоправнѣе, — будь даже эта жизнь сколько нибудь сытымъ мѣщанскимъ счастьемъ. И ее охватываетъ невольная оторопь предъ малѣйшимъ покушеніемъ на „порядочность“ и „благоразуміе“, — и она съ ужасомъ встрѣчаетъ даже со сцены оригинальное слово.

То же и во Франціи, — только здѣсь мѣщанское царство гораздо самоувѣреннѣе, считаетъ себя вполне прочнымъ, — по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. И на Ибсена оно взглянуло не съ ужасомъ, а съ презрительной проницательностью, постаралось убить его самымъ смертоноснымъ для француза орудіемъ — *le ridicule*.

Что такое въ самомъ дѣлѣ ибсеновскія драмы?

Ни что иное какъ бутылка съ чернилами, — отвлѣчалъ Сарсэ и чувствовалъ бурный приливъ радости, дѣлая это открытіе.

Но это еще сравнительно почтенно — бутылка съ чернилами, — а вотъ улики въ дѣтскости, не стоящей даже вниманія, — безповоротный смертный приговоръ. И его изрекли все въ томъ же Парижѣ, гдѣ до сихъ поръ, говорятъ, всякая гениальность и вообще знаменитость должна непременно получить удостовѣреніе въ своихъ талантахъ, иначе ея притязанія на славу будутъ „смѣшны“.

Очевидно, Ибсену не дожидаться этого счастья, — французская критика открыто признала его драматургомъ, созданнымъ специально для любителей сосисекъ и пива. Именно пристрастіемъ нѣмцевъ къ этимъ вещамъ Сарсэ объяснялъ популярность Ибсена въ Германіи.

Надо полагать, устами критика говорилъ эльзасскій патриотизмъ, или всего проще — обычное парижское невѣжество на счетъ всего, что совершается за предѣлами Булонскаго лѣса. Иначе Сарсэ слѣдовало бы знать, что въ странахъ, не считающихъ среди національныхъ деликатесовъ пива и сосисекъ, Ибсенъ вызываетъ очень глубокий и прочный интересъ. Далѣе больше. Сообразно съ тѣмъ, какъ та или другая публика относится къ нашему писателю, мы можемъ судить о нравственной природѣ этой публики, — и въ чрезвычайно любопытномъ смыслѣ.

Больше всего поклонниковъ у Ибсена въ Англіи. Страна, подарившая міру Шекспира, Дарвина, Гладстона, въ настоящее время не пользуется ни удивленіемъ, ни сочувствіемъ цивилизованнаго міра, — хотя именно въ исторіи этого міра найдется не мало комбинацій, весьма похожихъ на Англію-Трансвааль. И надо полагать, цивилизованный міръ не особенно далеко ушелъ отъ исторической практики: его *теоретическое* негодованіе на англійскую политику только рѣзче отбѣиваетъ — правда, преступную, но тѣмъ не менѣе — внушительную одинокую силу удивительнаго народа.

Любимый, автобіографическій герой Ибсена говоритъ: „сильнѣйшій тотъ, кто стоитъ одиноко“. Коварный и дерзкій Альбіонъ искони вѣковъ осуществляетъ эту истину. Ни друзей, ни участниковъ, — самодовольная обособленность, преисполненная сознаніемъ національнаго достоинства и неотразимаго

властнаго значенія. И вы знаете, какимъ тономъ отбѣчала еще недавно англійская печать на негодованіе цивилизованнаго міра!

Пусть въ эти минуты она походила на одного изъ своихъ историческихъ героевъ, Ричарда III, спокойно душившаго дѣтей и досадныхъ критиковъ устраивающаго съ пути будто неодушевленные предметы. Но нельзя не сознаться, что въ этомъ злодѣйствѣ было много *личности*, самой настоящей силы и вѣры въ нее. И здѣсь Ричардъ — англичанинъ съ головы до ногъ.

Таковыми остаются и его соотечественники.

Естественно, они чувствовали въ Ибсенѣ родную душу. Штокманъ прошелъ по англійской сценѣ національнымъ героемъ и воинственный гений норвежскаго поэта напечатлѣлъ почетное мѣсто тамъ, гдѣ Шекспиръ — народный поэтъ.

Мы видимъ, даже литературный фактъ можетъ являться превосходной иллюстраціей для психологіи той или другой культурной націи и талантъ Ибсена оказался изумительно-чуткимъ пробнымъ камнемъ для современнаго европейскаго общества.

Что же у насъ?

II.

Въ февралѣ 1891 года въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности я произнесъ рѣчь подъ заглавіемъ *Романтизмъ нашихъ дней*. Рѣчь характеризовала Ибсена — человѣка и писателя и была первой бесѣдой предъ русской публикой и первой статьёй въ русской печати о норвежскомъ драматургѣ. Рѣчи посчастливилось привлечь вниманіе любителей литературы къ невѣдомому автору, быстро стали возникать переводы ибсеновскихъ пьесъ, явились компіляціи въ журналахъ и газетахъ, — и одно время Ибсенъ въ Москвѣ сталъ „вопросомъ дня“, а драма „Штокманъ“, наконецъ, была дана на сценѣ театра Корша.

Вопросъ, какъ водится, съ теченіемъ времени потускнѣлъ, постепенно выпалъ изъ оборота, — но отнюдь не потому что его разрѣшила русская критика и публика. Вскорѣ обстоятельства доказали, что Ибсенъ прошелъ по русскому горизонту блестящимъ, но чрезвычайно загадочнымъ свѣтиломъ. Казалось, оно освѣщало иные новые горизонты, указывало какъ бы новые пути нравственной и общественной жизни, сулило современному мятущемуся человѣчеству иное пристанище и утѣшеніе.

Несомнѣнно, нѣчто подобное въ творчествѣ Ибсена чувствовалось даже толпѣ. Иначе Дузе не могла бы имѣть такого захватывающаго успѣха въ роли Норы, и тотъ фактъ, что гениальная артистка могла такъ глубоко вдохновиться ибсеновскою героиней, — доказывалъ жизненность и осязательную яркость этого образа. А между тѣмъ, именно Нора вызвала сильнѣйшее смущеніе даже у самыхъ смѣлыхъ зрителей.

„Помилуйте! восклицали они, — уйти отъ мужа, — это еще понятно, но бросить дѣтей именно тамъ, гдѣ навѣрное имъ дадутъ уродливое воспитаніе, преступное — на взглядъ Норы, — это и не по-женски, и не по-человѣчески. Чувство матери должно быть выше всякихъ идей и Нора обнаруживаетъ только отталкивающій эгоизмъ, когда одна уходитъ изъ семьи на поиски за свободой и личнымъ достоинствомъ“...

И Нора такъ до сихъ поръ и остается не то фантастическимъ, не то даже скандальнымъ персонажемъ. Итальянцы и французы именно на нее преимущественно обрушили свой гнѣвъ. Русская современная публика — терпимѣе, можетъ быть, — просто

холоднѣе въ области идейныхъ вопросовъ,—но и она отказалась послѣдовать за Норой и осталась на сторонѣ ея мужа послѣ краткаго, но внушительнаго діалога между супругами: въ этомъ діалогѣ вся сущность ибсенизма.

— Ты прежде всего супруга и мать, говорить мужъ.

— Я этому больше не вѣрю, отвѣчаетъ Нора.— Я думаю, что я прежде всего *человѣкъ*—такъ же какъ и ты,—я, по крайней мѣрѣ, попытаюсь остаться имъ.

Быть человѣкомъ!—въ этомъ, по мнѣнію Ибсена, вся наша задача. Но, разумеется, ее проще поставить, чѣмъ осуществить или даже только понять. *Что такое человѣкъ?*—вопросъ, пожалуй, не менѣе трудный, чѣмъ *что есть истина?* Мало-ли какое содержаніе можно вложить въ понятіе *человѣкъ*! Вряд-ли найдется вообще на столько самоотверженный смѣльчакъ, чтобы, при какихъ угодно унижительныхъ качествахъ,—признаться въ своемъ не-человѣчествѣ. И между тѣмъ норвежскій писатель—всю жизнь обращается къ своимъ читателямъ съ единственной проповѣдью: „будьте людьми“.

И усвоить эту проповѣдь, при нѣкоторой искренности,—весьма просто.

Прежде всего она отнюдь не открытіе—вплоть до самыхъ крайнихъ выводовъ, какіе дѣлаетъ Ибсенъ.

Вы помните чудное идеально-юношеское стихотвореніе Шиллера? Поэтъ сознается, что онъ не можетъ стать ангеломъ, его гнететъ земное тѣло,—но за то *человѣкомъ* можетъ быть вполне.

Какимъ путемъ?

Шиллеръ даетъ совершенно ибсеновскій отвѣтъ; надо выйти изъ круга челоѣчества, чтобы явиться совершеннымъ челоѣкомъ. Ничто иное, какъ штокмановское открытіе: сильнѣе всѣхъ тотъ, кто стоитъ одинокимъ.

И это отнюдь не мечта черезчуръ выпсрннлаго поэта, достойная автора „Разбойниковъ“. Самые уравновѣшенные и глубокомысленные люди думали такъ же. Къ числу такихъ людей, несомнѣнно, необходимо причислить Канта,—и вотъ этотъ именно философъ видѣлъ славу и спасеніе челоѣчества въ способности нѣкоторыхъ личностей выдѣляться изъ общественной среды,—до рѣшительной войны съ этой средой. Я позволю себѣ далѣе привести оригинальное выраженіе Канта на этотъ счетъ: читатели не посѣтуютъ на меня,—всего одно слово и оно чрезвычайно ярко и краснорѣчиво: *Ungeselligkeit*. Нѣчто непере-водимое, означающее приблизительно: необщезительность, неуживчивость, несоціальность. Вся тайна цивилизаціи заключается въ появленіи людей, не укладывающихся въ существующія нравственные, семей-

ныя и всякія другія рамки. Сначала это единицы, потомъ десятки и такъ далѣе, пока истина не превратится въ ходячую банальность.

Ничего другого не проповѣдуетъ и Ибсенъ.

Быть челоѣкомъ значитъ быть одинокимъ носителемъ новыхъ истинъ,—и непремѣнно практическимъ, быть осуществителемъ этихъ истинъ. Откуда берутся онѣ у даннаго челоѣка? Это значитъ: гдѣ первоисточникъ новой идеи?

Исторически вопросъ всегда разрѣшимъ. Можно прослѣдить всякое движеніе отъ начала до конца и документально освѣтить каждый его шагъ,—но *психологически*—задача несравненно труднѣе. Почему именно эта личность ставитъ точку надъ *і*, говорить рѣшительное ясное слово?

Вы помните, какъ тургеневскія героини разрываютъ съ своей средой?

Художникъ будто нарочно дѣлаетъ ихъ дочерьми совершенно неподходящихъ родителей. Что общаго между Еленой и г-дами Астаховыми! „Вотъ послѣ этого и разсуждай о крови, о породѣ“,—говорить очевидецъ, не постигающій, какъ у такихъ „отцовъ“ могла явиться такая дочь?

И эта дочь рвется изъ родного гнѣзда. Она совершенно равнодушна къ отцу и матери, ей грезится безграничная даль силы и удали, она, какъ птица, хотѣла бы полетѣть къ великой цѣли, требующей подвиговъ и жертвъ...

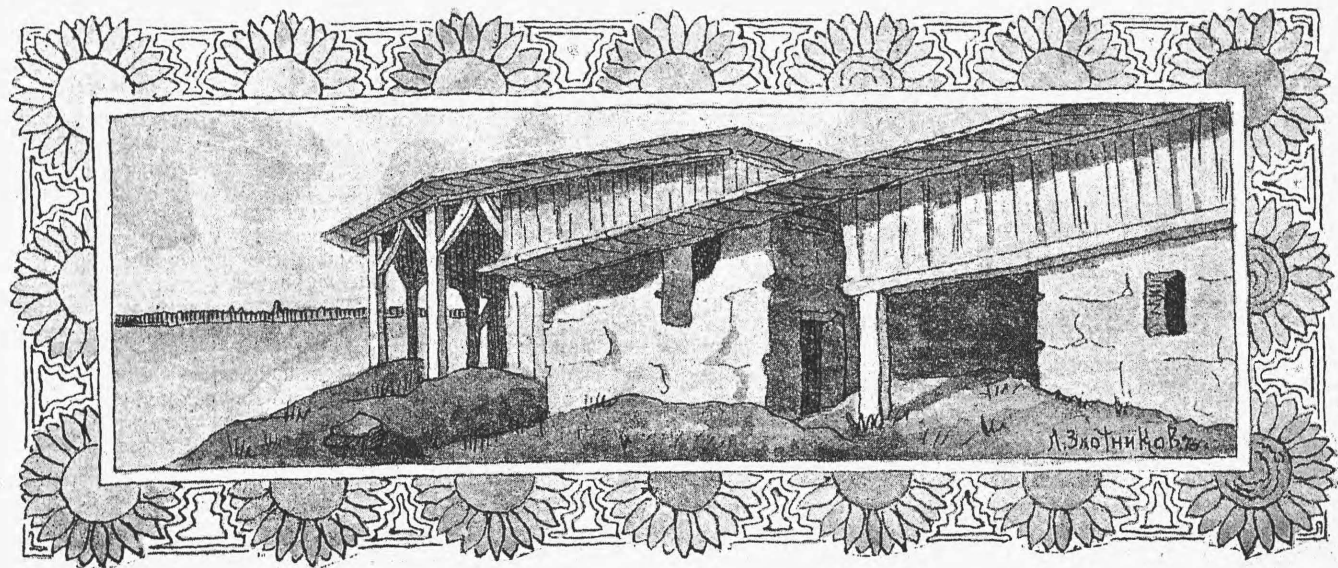
И все это нахлынуло на нее неожиданно, будто рокъ. Такъ бываетъ вообще съ тѣми, кому суждено начать новую главу въ исторіи какого бы то ни было общества. Они одиноки—неволью, ихъ „зоветъ судьба“, они и хотѣли бы слиться съ моремъ людскимъ,—да ихъ души претитъ это сліяніе, будто что-то унижительное, гадливое. И драма обыкновенно достигаетъ крайняго напряженія, когда одинъ изъ такихъ роковъ одиночниковъ, по несповѣдимой логикѣ чувства, любитъ *одну* изъ толпы, Гамлетъ—Офелію, Альцестъ—Селимену, Чацкій—Софью.

Тогда вопросъ стоитъ такъ: или измѣна своей натурѣ во имя личнаго счастья или война до конца хотя-бы цѣной своего сердца и своей любви.

Это, можно сказать, мотивы вѣчной драмы,—пока солнце будетъ освѣщать нашу землю и люди не переродятся въ какуюнибудь сверхъ-челоѣческую породу. Все ибсеновское творчество—вариантъ на эти мотивы, только окрашенный особымъ *скандинавскимъ* цвѣтомъ. Это значитъ—мотивъ обостренный и повышенный до крайнихъ предѣловъ челоѣческой воли.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Снѣгурочка“.

„Снѣгурочка“ была поставлена въ юбилейный бенедиктисъ г. Варламова. Но будемъ строго различать эти два театральныя событія: юбилей г. Варламова—одно, и ему надо посвятить особую статью; постановка на Александринской сценѣ „Снѣгурочки“ Островскаго—другое. Я буду писать только объ этой постановкѣ. Не раздѣляя этихъ событій, я долженъ былъ бы просто заставить себя забыть, что я видѣлъ какой-то спектакль и ограничиться выраженіемъ моего глубокаго уваженія къ несравненному таланту г. Варламова.

Ужасные „принциписты“ на словахъ, мы въ достаточной мѣрѣ безпринципны на дѣлѣ. Театръ — отраженіе жизни, театральныя репертуары—прекрасныя ея барометры. Сегодня мы пропагандируемъ Ибсена, завтра Дюма-сына, послѣзавтра хватаемся за „Снѣгурочку“. Почему вдругъ „Снѣгурочка“? Потому, видито-ли, что въ Москвѣ среди артистовъ Малаго театра нашелся искренній поэтъ, А. П. Ленскій, который, много лѣтъ тому назадъ облюбовалъ „Снѣгурочку“, какъ исключительную задачу для своего режиссерскаго таланта, подготовилъ ее къ сценѣ и заставилъ о себѣ говорить. Одинъ театръ за другимъ бросили свои текущія дѣла (понимай: пьесы Невѣжина, Ибсена, Ростана, Владиміра Александрова, Бракко, Шекспира, Гауптмана, Величко и др.) и занялись „Снѣгурочкой“. Не преувеличиваю: я въ этомъ сезонѣ видѣлъ уже четырехъ „Снѣгурочекъ“, не считая двухъ оперныхъ и одной въ циркѣ. Сезонъ еще не кончился — цѣлый рядъ „Снѣгурочекъ“ намъ угрожаетъ въ недалекомъ будущемъ. Пьеса десятки лѣтъ лежала подъ спудомъ, но о ней даже не вспоминали. Первой мухой прилетѣлъ къ ней А. П. Ленскій, и зажуужали вдругъ всѣ сразу...

Но это лишь къ слову.

Достаточно было узнать распредѣленіе ролей въ Александринскомъ театрѣ, чтобы уже не ждать отъ спектакля ничего серьезнаго. Тѣмъ не менѣе я отправился въ театръ, съ какими-то надеждами, смутными, но все-таки надеждами. Въдъ бывають-же чудеса! А вдругъ, дѣйствительно, г-жа Коммисаржевская... Въдъ все-таки г. Варламовъ... Въдъ играетъ все-таки г. Давыдовъ...

Вооруженный цѣлымъ арсеналомъ воспоминаній о московскихъ „Снѣгурочкахъ“, только что принимавшій участіе въ газетной полемикѣ между „Снѣгурочкой“ московскаго казеннаго театра и „Снѣгурочкой“ театра г. Станиславскаго, наконецъ, просто готовый искренно искать матеріала для новыхъ и новыхъ сравненій, я долженъ былъ все немедленно же забыть, какъ только поднялся занавѣсъ и начался прологъ. Я долженъ былъ забыть, чтобы имѣть хоть какую-нибудь возможность остаться въ театрѣ.

Прологъ на сценѣ Александринскаго театра происходитъ въ декорациѣ, написанной, очевидно, по макеткамъ малороссійской труппы, которая, какъ извѣстно, любитъ щегольнуть роскошнымъ зимнимъ пейзажемъ въ третьемъ актѣ „Назара Стодоли“. Ни малѣйшаго намека на сказочность пейзажа, ни тѣни поэзіи. Въ царствѣ Мороза, который дыханьемъ своимъ леденитъ воздухъ, крихтитъ, постукиваетъ, попрыгиваетъ, но такъ, что только ему одному любо, а всѣмъ достаточно скверно, тамъ, гдѣ никто изъ насъ никогда не былъ,—если судить по замыслу художника Александринскаго театра, все въ общемъ обстоитъ довольно благополучно. Везъ калошъ и въ лѣтнемъ пальто въ это царство, пожалуй, заходить не слѣдуетъ, но ожели надѣтъ кашпѣ... Неудивительно, что г-жа Мичурина, изображавшая Весну-Красну, хотя и вышла въ боярской тѣлогрѣйкѣ, но не задумалась широко распахнуть ее.

Впрочемъ, своевременно, какъ разъ къ монологу Дѣда-Мороза, началась вьюга и пошелъ снѣгъ. Это было не особенно удобно для г-жи Мичуриной, въ распушенные волосы которой забивался этотъ снѣгъ, но г-жа Мичурина сметала бумажки съ волосъ, и кое-какъ пьеса стала налаживаться. Дѣдка-Морозъ, весь бѣлый, видомъ, однако, страшный, продекламировалъ свой монологъ и ушелъ. Минута, которой воспользовался режиссеръ, чтобы выпустить на сцену стадо огромныхъ гусей съ ногами, одѣтыми въ коричневое трико, съ манерами начинающихъ танцовровъ, твердо знающихъ лишь одно: когда выходишь на сцену, надо непременно становиться въ пер-

вую позицію. Очевидно, для довершенія иллюзіи, время отъ времени, трепетно, какъ-то даже взволнованно, проносился передъ зрителями большой листъ картона, долженствовавшій изображать грачей, галокъ, дикихъ утокъ, а можетъ быть, и жареныхъ рябчиковъ—сказать трудно. Тѣмъ, кто показывалъ намъ этотъ картонъ, ясное дѣло, было не по себѣ, и его убирали съ глазъ по возможности немедленно.

Первое появленіе „Снѣгурочки“ — верхъ режиссерской фантазіи: „Снѣгурочка“ выходитъ изъ-за кулисъ, докладываетъ, кто она и что она, а затѣмъ прячется въ боковую кулисъ. Когда на сцену выбѣгаетъ толпа Берендѣевъ, Снѣгурочка дѣлаетъ второй выходъ изъ-за кулисъ. Происходитъ какой-то апофеозъ паивности. О толпѣ Берендѣевъ, которая, какъ извѣстно, въ пьесѣ играетъ весьма важную роль, слѣдовало бы поговорить подробно. Во-первыхъ, для того, чтобы напомнить режиссеру, что теперь и въ операхъ уже отрѣшились отъ такой толпы, какую поставилъ онъ, во-вторыхъ, чтобы отмѣтить полное безсиліе режиссера справиться съ самой

К. А. Варламовъ, въ роли царя Берендѣя.

(„Снѣгурочка“).

Рис. А. Ростиславова.

идеей о толпѣ Берендѣевъ. Въдъ Берендѣи—не пойзаны Невѣловской волости, Голодаевского уѣзда, а первобытные люди, поклоняющіеся солнцу. Они не только становятся широкимъ полукругомъ, лицомъ къ зрительной залѣ, готовые къ мѣсту и не къ мѣсту отплясать трепака, они не только—коллекція посконныхъ кафтановъ, бородъ клинышкомъ, но и толпа... Однако, нужно-ли на этомъ останавливаться, когда замыселъ такъ ясенъ! Когда толпа входитъ на сцену, сначала показываются дѣвушки-красавицы (попарно, обнявшись), затѣмъ—парни-молодцы, а за ними дѣтки-малолѣтки; надо уходить—налѣво кругомъ маршъ! Дѣвки, парни, а за ними дѣтки, приплясывая и притоптывая лапотками. „Положенія извѣстная“, какъ говорить „берендѣи“ въ „Плодахъ Просвѣщенія“.

Вся постановка сказалась въ этомъ прологѣ. Стоитъ-ли досказывать, что ни одна декорация не соответствовала замыслу автора, что палаты царя Берендѣя напоминали собой аляповато раскрашенный хлѣбозапасный магазинъ съ двумя закромами на палатахъ, что группировки звездъ поражали безвкусицей и безжизненностью, что удивительная сцена Купавы и царя Берендѣя пропала изъ-за оперной планировки (басъ на тронѣ, сопрано, заламывая руки,

Камердинеръ въ «Плодахъ просвѣщенія».

бьется, какъ подстрѣленная птица, на заднемъ планѣ), что заповѣдный лѣсъ напоминаетъ Лѣтній садъ въ осенній дождливый день, что картонная гусеница, длинной аршина этакъ въ два, выпущенная въ третьемъ актѣ для устрашенія расхолодившагося Мизгиря, стучала своими колотками, какъ кухарка новыми сапогами, что появленіе Весны-Красны въ четвертомъ актѣ было поставлено еще наивнѣе, чѣмъ появленіе „Снѣгурочки“ въ прологѣ...

И все это, повторяю, на фонѣ безжизненной, скучной мѣшавшей однимъ своимъ видомъ толпы Берендѣевъ! Когда-то шель у насъ балетъ „Волшебныя пилюли“. Развѣ можно сравнить блескъ фантазіи, проявленной при постановкѣ этого балета, съ той рѣдкой... ну скажемъ — курьезностью, съ какой была поставлена „Снѣгурочка“?

„Снѣгурочку“ поставили, какъ феерію, какъ зрѣлище для дѣтей, какъ святочный спектакль. „Снѣгурочка“ — сказка, но сказка, полная мысли. Островскій, уставшій изображать жизнь, какова она есть, собралъ въ народной поэзіи ея лучшіе перлы и изукрасилъ ими легкую, ажурную ткань. Эти перлы онъ соединилъ нитями неуловимыми, но прекрасными, какъ неуловимы, но прекрасны лучи весенняго солнца. Каждое слово дышетъ поэзіей. Но это не ароматъ экзотическихъ растений, это — ароматъ первой травы, только что пробившейся изъ-подъ снѣга. „Снѣгурочка“ оттого и начинается въ царствѣ Мороза, что сама по себѣ должна быть апоэеозомъ весны. Время отъ времени авторъ останавливаетъ свою творческую работу, — смолкаетъ тогда челнокъ, ткущій золотистыя нити поэзіи, и раздаются слова поученія. Добродушное, ласковое, подчасъ торжественное, но исполненное любви къ людямъ, согрѣтое нѣжностью души, не надломленной годами, а только сожалѣющей объ отходящей постепенно жизни, поученіе это должно находить отзвукъ въ нашихъ сердцахъ, уже поддавшихся обаянію сказки и ея причудъ. Поученіе кончилось, авторъ опять отступаетъ на задній планъ, опять застучалъ челнокъ волшебнаго ткацкаго станка, и опять потянулись золотистыя нити, сверкающая и переливаясь огнями въ лучахъ весенняго солнца... „Снѣгурочка“ — олицетвореніе наивности и сердечной чистоты. Но наивности не режиссера, а народа, создавшаго этотъ образъ. И чтобы передать все это на сценѣ, непременно нужно обладать непосредственностью поэта.

А мы вмѣсто всего этого увидели феерію. Каждая сцена поэтому являлась шлепкомъ на замыслѣ поэта. Замыселъ автора не только не былъ осуществленъ, онъ остался непонятъ. Мало того, мы ни въ одной сценѣ не видали ни малѣйшей попытки подойти къ этому замыслу. Точно о существованіи его и не подозревали.

Сказка — слѣдовательно, и разговаривать нечего. Все

тогда допустимо, что легко осуществить при помощи незамысловатой декорации и нехитрыхъ приспособленій. Нуженъ лѣшій — извольте! Измазать Сидорову 15-му лицу ваксой и надѣть на него капюшонъ изъ „Роберта-Дьявола“. Нужна гусеница? дать сюда гусеницу изъ „Волшебнаго Кольца“. Нуженъ „Заколдованный лѣсъ“ — пустить изъ-подъ пола декорацию изъ „Волшебнаго Стрѣлка“... Но зачѣмъ, спрашивается, при этихъ условіяхъ безпокоить бѣдную „Снѣгурочку“?!

Самой собой разумѣется, что исполненіе велось въ томъ-же тонѣ. Г-жа Мичурина, изображая Весну, ходила по сценѣ боярышней изъ „Дѣвичьяго переполоха“, г. Писаревъ, нарядившись въ ватный халатъ Дѣдушки-Мороза, изображалъ что-то среднее между злодѣемъ изъ какой нибудь „Ульяны Вяземской“ и хозяиномъ постоялаго двора изъ „На бойкомъ мѣстѣ“. Г-жа Потоцкая въ роли Купавы была совершенной Лизой изъ „Пиковой дамы“ и провела свою сцену съ царемъ какъ хорошая оперная пѣвица, рѣшившая, что и въ оперѣ требуется „игра“, при исполненіи знаменитой аріи „Истомилась я, изстрадалась“. О г. Ходотовѣ, игравшемъ Леля, я не берусь судить. Опернымъ рецензентомъ я никогда не былъ, а г. Ходотовъ взглянулъ на роль Леля исключительно съ точки зрѣнія вокальной. Онъ пѣлъ, а мы, въ это время смотрѣли на часы. Впрочемъ, я отчаявался менѣе своихъ сосѣдей, твердо помня, что безконечнаго нѣтъ ничего. Бермяты не было вовсе. Бермята — одна именно изъ тѣхъ причудливыхъ фигуръ, которую могъ создать только поэтъ, въ такой мѣрѣ проникшійся народнымъ юморомъ, какъ Островскій. Бермята — первый министръ сказочнаго царя. Царь добродушенъ, честенъ, подчасъ наивенъ, но всегда сердеченъ, его первый министръ лукавъ, но, въ общемъ, бережетъ свой покой. Контрастъ тѣмъ интереснѣе, что царь хочетъ все знать, а министръ обо всемъ докладываетъ, ничего толкомъ не зная. Г. Петровъ, изображая Бермяту, неудачно исполнялъ роль какого-то вѣстника, который говоритъ нисколько неинтересующія его слова. Глашатаи второго акта что-то кричали, затѣмъ-то волновались, но это было скучно. Шуты того-же акта были еще скучнѣе. Г. Юрьевъ, который долженъ былъ изображать Мизгиря, игралъ испанскаго принца, стихи зналъ нетвердо, читалъ ихъ холодно. Ни удали, ни шири, ни звѣринаго натиска, словомъ, ни одной черты Мизгиря.

Остаются г-жа Коммиссаржевская — Снѣгурочка, г. Варламовъ — Берендѣй, г. Давыдовъ — Бобыль.

Г. Давыдовъ публикѣ очень понравился. Еще-бы! Г. Давыдовъ, распосясанный, пьяненькій, все время танцующій трепака, — развѣ это не весело? Но если Островскій

Унтеръ-офицеръ Грозновъ.

написалъ такого бобыля, то что можетъ быть въ литературномъ и сценическомъ отношеніи интереснѣе такой фигуры? Бобыль—олицетвореніе тѣхъ качествъ русскаго народа, которые начинаютъ говорить въ немъ, когда онъ не за сохой, не въ страдѣ, а рвется къ привольной жизни въ чести и лѣни. Это не какой нибудь „Зайды-голова“ малорусской „кумедіи“, а законченный литературный образъ, и не трепакъ—его главное, а то, что сдѣлало его бобылемъ. Г. Давыдовъ отнесся къ роли сплеча и подавалъ ее хоть и горячо, но едва ли ручаясь за вкусъ.

Г-жа Коммиссаржевская, которая такъ-же имѣла успѣхъ у части публики, должна, по моему, скорѣе забыть, что она когда либо выступала въ роли „Снѣгурочки“. Наввничаніе наивности, бѣленькія платица, хотя и могутъ при случаѣ сойти за символъ душевной чистоты, одѣ сами до себѣ еще не передаютъ таковой; подкладываніе ручекъ подъ подбородочекъ также немного способствуетъ иллюзии. У г-жи Коммиссаржевской нѣтъ намека на непосредственность „Снѣгурочки“, нѣтъ въ голосѣ ея нужныхъ нотъ, во всемъ ея „маргаритистомъ“ замыслѣ нѣтъ намека на народность образа. „Снѣгурочка“ г-жи Коммиссаржевской, это простушка, которую пансионскіе подруги не успѣли еще развить. Снять съ нея сапожки и приставить къ ней стадо гусей—готовая героиня идилліи во вкусѣ г. Салова; посадить въ паланкинъ, окружить свитой—сиротка изъ мелодрамы, вдругъ узнавая отцомъ и, конечно знатымъ герцогомъ. Наивничающая, поджидаемая, подбирающаяся, дѣлающая поминутно „большие глаза“, г-жа Коммиссаржевская не „Снѣгурочка“ уже потому, что нисколько не поэтична. Такъ, ходитъ по сценѣ какая-то сиротка горемычная—у кого ужъ очень жалостливое сердце, тотъ и слѣдитъ за ней. А кто похладнокровнѣе, тотъ и забываетъ вовсе...

О г. Варламовѣ въ роли Берендѣя сказать что-либо опредѣленное трудно. Условія юбилейнаго спектакля для юбиляра не таковы, чтобы можно было ждать отъ артиста въ полной мѣрѣ самообладанія. Гримъ г. Варламова прекрасенъ, фигура, голосъ, манеры—возражать тутъ нечего. Но, если даже и неотступно помнить, что игралъ не просто г. Варламовъ, а г. Варламовъ-юбиляръ, все-таки Берендѣй въ настоящемъ видѣ неважная роль въ репертуарѣ артиста. Г. Варламовъ задумалъ Берендѣя вѣскольکو слишкомъ старцемъ, онъ у него не торжественъ, онъ не столько даже добросердеченъ, сколько безволенъ, а когда хочетъ настоять на своемъ царскомъ словѣ, то точно бы впадаетъ въ тонъ капризнаго старика. Оговариваюсь—надо помнить о юбилеѣ. Но остовъ замысла все-таки виденъ. Это не царь Берендѣй, а Берендѣй папаша и притомъ достаточно избаловавшійся...

Перехожу къ общему. Общее—скука. Скука томительная, унылая, безпросвѣтная. Давно не помню, чтобы я въ такой мѣрѣ скучалъ въ театрѣ. Мнѣ казалось, что пьеса выросла, что ее слѣдовало бы наполовину сократить, что она вовсе и не особенно умна. Не то мнѣ спать хотѣлось, не то хотѣлось разбудить какъ-нибудь актеровъ, которые точно бы спали и, казалось, у меня-же на груди. Казалась скучной и чудная музыка Чайковского, казалась жестокою самая идея ставить „Снѣгурочку“ на сценѣ...

Стыдно писать, но публикѣ больше всего понравилась пляска скомороховъ въ третьемъ актѣ, гдѣ медвѣдь за лисой гоняется и гдѣ лиса (г. Стуколкинъ) проявляетъ неподдѣльный юморъ. Стыдно сознаться, — но этотъ моментъ спектакля единственный, который понравился и мнѣ...

Арсеній Г.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Какъ намъ сообщаютъ, вновь назначенный управляющій драмой въ петербургскихъ императорскихъ театрахъ П. П. Гнѣдичъ—явится ответственнымъ лицомъ за репертуаръ и постановку только съ сентября 1901 года. Теперь же, вступивъ съ января въ должность, онъ только доведетъ до конца сезона то, что было намѣчено до него, — въ томъ числѣ поставить и свою пьесу „Завѣщаніе“, которую г-жа Савина выбрала для своего бенефиса еще задолго до назначенія П. П. Гнѣдича.

* * *

22-го декабря, около 6-ти часовъ вечера, произошелъ большой пожаръ въ зданіи дирекціи Императорскихъ театровъ, въ домѣ № 2, по Театральной улицѣ. Загорѣлась въ чердачномъ помѣщеніи деревянная переборка около воляныхъ баковъ. Самый очагъ пожара приходился какъ разъ надъ помѣщеніемъ лазарета Императорскаго театральнаго училища. Переполахъ поднялся ужасный. Изъ оконъ шестого этажа полетѣли на дворъ тюфяки, больничныя койки и проч. Со стороны Невскаго проспекта казалось, что горитъ Александринскій театръ. Послѣ долгихъ усилій пожаръ удалось прекратить. Водю затопленъ весь лазаретъ театральнаго училища.

* * *

Е. П. Карповъ, какъ мы слышали, оставилъ мѣсто режиссера въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества. О причинахъ ухода Е. П. Карпова скажемъ въ свое время. Всѣ пожалѣютъ даровитаго режиссера, чуткаго человѣка и истиннаго друга актеровъ.

* * *

Намъ пишутъ изъ Вильны. 21 декабря разбиралось въ окр. судѣ дѣло г-жи Вахтіаровой. Адвокатъ г. Никулина, которому было вручена повѣстка какъ хозяйну-директору, заявилъ, что г. Никулинъ ничего не имѣлъ противъ г-жи Вахтіаровой и, вообще, далеко не былъ хозяиномъ въ театральному дѣлѣ, просилъ судъ о привлеченіи къ отвѣту не дирекцію, къ которой предъявленъ былъ искъ, а почетнаго попечителя, доказывая, что театръ въ настоящее время въ Вильнѣ нѣчто вродѣ казеннаго учрежденія. Адвокатъ г-жи Вахтіаровой, однако, настаивалъ на томъ, что удаленіе г-жи Вахтіаровой было произволомъ со стороны дирекціи. Судъ не уважилъ ходатайства адвоката г. Никулина, дѣло не отложилъ и присудилъ дирекцію удовлетворить полностью искъ Вахтіаровой, т. е. 1275 р. жалованья за недослуженные мѣсяцы сезона, 600 р. неустойки и одинъ бенефисъ. Такого приговора никто не ждалъ, но, очевидно, судъ пожелалъ дать хорошій урокъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ судъ удовлетворилъ просьбу о предварительномъ исполненіи относительно содержанія и бенефиса. Вопреки пышнымъ фразамъ мѣстныхъ газетъ, Большой театръ плоховать: въ ложахъ шею сверлошь и то ничего не увидишь; подъ поломъ гулъ отъ машины, сквозняки, да въ случаѣ пожара безопасности мало. Публика неохотно посѣщаетъ новый театръ. Театръ теперь закрытъ, будто бы, изъ-за какихъ-то поправокъ. Въ послѣдній спектакль, какъ говорили, занята была одна ложа и два мѣста въ партерѣ. Труппа перекочевываетъ въ старый театръ. Вскорѣ, по слухамъ, новый процессъ между владѣльцемъ театра и „попечителемъ“. Бурный сезонъ во всякомъ случаѣ.

Е. Дубельтъ.

* * *

3-я января, въ Маринскомъ театрѣ, состоится бенефисъ Ѳ. И. Стравинскаго, данный талантливому артисту за его двадцатипятилѣтнюю службу въ русскои оперѣ. Въ бенефисный спектакль пойдетъ опера „Юдифъ“ Строва, въ которой г. Стравинскій исполнитъ роль Олоферна.

* * *

Въ настоящее время хозяйственный отдѣлъ московской конторы Императорскихъ театровъ вырабатываетъ проекты перестройки всего Императорскаго театральнаго училища въ Москвѣ. Затраченный на постройку капиталъ (болѣе 600,000 руб.) предполагается вернуть, устроивъ въ первомъ этажѣ зданія болѣе 20 магазиновъ.

* * *

Г-жа Чарлоне назначена при петербургской консерваторіи профессоромъ по классу хроматической арфы. Классъ г-жи Чарлоне откроется съ 1 октября.

«Рижск. Вѣстн.» сообщаетъ, что А. В. Дарьялъ получила приглашеніе къ г. Коршу.

* * *

Въ Москвѣ 23-го декабря, происходило экстренное собраніе членовъ общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ, посвященное обсужденію вопроса о вычетахъ изъ авторскаго гонорара членовъ общества на будущее время. На собраніи присутствовало 27 человекъ, а председательствовалъ И. В. Шпажинскій. Собраніе рѣшило секретарю, вмѣсто теперь получаемыхъ $7\frac{1}{2}\%$, выдавать 5% съ суммы, поступающей въ общество (въ Петербургѣ было рѣшено 3%), на канцелярскіе расходы секретарю же 3,000 руб.; казначею, вмѣсто получаемыхъ $2\frac{1}{2}\%$ процентовъ, на будущее время положено жалованье по 4,000 рублей въ годъ (въ Петербургѣ 3,000 руб.), затѣмъ дѣлопроизводителю, вмѣсто 1,000 руб. назначено 1,200 руб. Далѣе постановлено взимать въ пользу общества съ оригинальныхъ пьесъ по 15% (теперь берется 20 процентовъ) и съ переводныхъ пьесъ 30 процентовъ вмѣсто 35% , взимаемыхъ теперь.

† М. П. Федоровъ. 25-го декабря скончался одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ журналистовъ, Михаилъ Павловичъ Федоровъ. Почившій родился въ 1839 г., получилъ образованіе въ частномъ пансіонѣ въ Одессѣ и завершилъ его на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета, въ 1860 г. Начавъ свой литературный трудъ въ разныхъ журналахъ, еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, съ 1876 года М. Н. занялъ постъ редактора «Нов. Времени». Лишь съ этого времени, строго говоря, и начинается его извѣстность. Покойный былъ страстный театралъ. Еще на школьной скамьѣ Михаилъ Павловичъ писалъ водевили. Кулисы были всегда излюбленнымъ мѣстомъ для Федорова, котораго не только знали всѣ артисты, но большинство было съ нимъ на ты. Театръ для Федорова составлялъ главный интересъ въ жизни, онъ писалъ пьесы, велъ театральную хронику, писалъ статьи по специальнымъ театральнымъ вопросамъ, рецензіи о спектакляхъ, и пр. Онъ былъ театралъ въ душѣ, понималъ театральное дѣло и помнилъ отлично театральную старину. Хоронили его 27 декабря на Митрофаньевскомъ кладбищѣ. На похоронахъ присутствовали литераторы и артисты.

Въ 1901 году заканчиваются крупные служебные сроки слѣдующихъ артистокъ и артистовъ Московскаго Малаго театра: М. Н. Никулиной—40 л. (служба считается съ 23 апрѣля 1861 г.), М. Н. Ермоловой—30 (съ 16 мая 1871 г.), А. П. Ленскаго—25 лѣтъ (съ 1 июня 1876 г., О. О. Садовской и К. Н. Рыбакова—20 лѣтъ (первая съ 30 июня, второй съ 1 августа 1881 года). Въ будущемъ же году исполнится сорокъ лѣтъ службы главнаго декоратора и машиниста К. Ф. Вальца (съ 3 октября 1861 г.).

Послѣ В. Е. Илькова, скончавшагося недавно въ Перми, какъ передаютъ газеты, осталось довольно крупное состояніе, а именно: домъ въ Казани, на 27 тысячъ р. банковыхъ свидѣтельствъ на вклады и цѣнныхъ вещей на 3000 руб. У покойнаго артиста нѣтъ близкихъ родственниковъ, поэтому онъ при жизни предполагалъ завѣщать свой капиталъ театальному обществу. Однако, онъ не успѣлъ сдѣлать завѣщанія.

Е. Е. Славянскій.

4 января 1901 года въ Тобольскѣ празднуется тридцатилѣтній юбилей сценической дѣятельности актера Е. Е. Славянскаго (Пелевина). Славянскій поступилъ на сцену въ Вяткѣ въ 1871 г.

Намъ телеграфируютъ изъ Вологды: Судьбининъ при хорошихъ дѣлахъ отказался платить. Дѣло администраціей передано товариществу въ составѣ г-жъ Джури Холминой, Горшевой, Грибау, гг. Лянова, Шостакаго, Валентинова, Повомарева, Любскаго и др.

О нѣкоторыхъ подробностяхъ этого дѣла, окончившагося столь печально, см. ниже корреспонденцію изъ Вологды.

Вопросъ о великопостномъ сезонѣ въ театрѣ Литературно-Художественнаго Общества рѣшенъ, какъ мы слышали, утвердительно.

Антрепренеромъ В. Н. Любимовымъ организована для великопостнаго сезона оперная труппа, въ составъ которой вошли выдающіеся пѣвицы Императорскихъ и частныхъ сценъ Россіи. Подъ спектакли снята зала консерваторіи.

Составъ артистовъ слѣдующій: г-жи Медея Фигнеръ, Альма Фостремъ, Львова (сопрано); г-жи Фингертъ, Свицова, Кравецъ (меццо-сопрано); гг. Фигнеръ, Соболевъ (тенора); гг. Тартаковъ, Максаковъ, Смирновъ (баритоны); гг. Антоновскій, Серебряковъ (басы). Капельмейстеръ—Б. С. Плотниковъ, режиссеръ г. Дума. Репертуаръ состоитъ изъ 24 оперъ (русскихъ и иностранныхъ).

Намъ пишутъ изъ Бѣлжеца: Театральный буфетчикъ въ роли Незнамова.

Для поправленія своихъ дѣлъ г. Полянскій рѣшилъ примѣнить разовую систему, но не по отношенію къ артистамъ, которымъ онъ все-равно ничего не платилъ, а по отношенію къ... любителямъ. Была даже установлена особая размѣтка цѣнъ, взимаемыхъ съ любителей драматическаго искусства за исполненіе той или иной роли. За Незнамова, Василю («Каширская старина»), Жданова («Доходное мѣсто») и т. п. роли взималось по 25 руб. Затѣмъ были роли, за которыя бралось по 15, 10, 5 и даже по 3 руб.

И вотъ, благодаря этой системѣ, въ одинъ прекрасный день бѣжецкой публикѣ пришлось увидѣть въ роли Незнамова театральнаго буфетчика. Что это былъ за спектакль... легко себѣ представить.

Однако буфетчику, какъ своему человѣку, была слѣлана скидка и онъ заплатилъ за Незамова только 15 руб. вмѣсто 25 руб.

Слухъ о смерти пианиста Падаревскаго, какъ мы предвидѣли, лишень всякаго основанія. Это, вѣрно, одинъ изъ фокусовъ американской рекламы.

М. М. Михайловичъ-Дольскій, о болѣзни котораго (туберкулезъ) нами было сообщено, помѣщенъ въ настоящее время въ санаторію Халила, близъ Петербурга. Можно надѣяться, что талантливый артистъ оправится отъ своего злого недуга.

На дняхъ въ общемъ собраніи акціонеровъ Азовскаго пароходства было постановлено просить акціонера общества Н. Н. Фигнера занять постъ постояннаго директора общества. Г. Фигнеръ отказался отъ этого предложенія.

Театръ Кононова. Г-жа Таріоль-Боже, приглашенная В. А. Неметти на гастроли, отказалась пріѣхать въ Петербургъ, несмотря на то, что уже подписала контрактъ. Кто-то изъ театраловъ внушилъ г-жѣ Неметти несчастную мысль пригласить польскую опереточную артистку Зимайеръ, когда-то пользовавшуюся громкою извѣстностью. Но увы! артистка не сумѣла во-время удалиться со сцены и поэтому теперь глядя на ея игру и слушая ея пѣніе публика съ недоумѣніемъ спрашивала себя, неужели эта артистка была когда-то извѣстностью и носила даже прозвище «польской Жюдики».

Г-жа Зимайеръ—артистка почтенныхъ лѣтъ и не менѣе почтенной наружности. Она выступила въ «Периколѣ» и «Маскоттѣ» и произвела на публику крайне комичное впечатлѣніе. Голоса у нея теперь нѣтъ никакого. Послѣ второй же гастроли дирекція принуждена была отказаться отъ услугъ артистки и въ «Корневальскихъ колоколахъ» 29 декабря въ роли Серполетты выступила г-жа Пуже, имѣвшая большой успѣхъ. У артистки очень пріятный голосъ, видна хорошая школа пѣнія, играетъ она очень весело оживленно. Съ 4 января начнутся гастроли извѣстной французской пѣвицы Косить.

А. Е. Петровъ

(къ 35 лѣтнему юбилею см. № 42).

Петербургскій театръ. 27 декабря въ бенефисъ г-жи Легать была поставлена историческая драма Н. А. Навроцкаго (Н. А. Вроцкаго) «Крещеніе Литвы». Говорятъ, пьеса пролежала въ архивной пыли «безъ движенія» 25 лѣтъ. Пьесы—не сигары, и отъ долгаго лежанія не приобретаютъ аромата. Я уже имѣлъ случай въ «Театрѣ и Искусствѣ» высказываться по поводу драматическаго дарованія Н. А. Навроцкаго. Это далеко не лучшая пьеса автора. Отсутствіе «идейнаго единства», разбросанность и эпизодичность дѣйствія, не связаннаго общимъ драматическимъ узломъ, вялость фигуръ и характеровъ, и однообразный, хотя вездѣ снабженный рифмою, стихъ—вотъ типичныя особенности этой пьесы. Она даже не обстановочна, въ истинномъ смыслѣ слова, и мѣстами наивна, какъ будто написана для дѣтей. Едва ли особенно живописны постановка Перкуна съ головой маститаго литератора или шестіе съ Криве-кривейто на ассирійскихъ носилкахъ подъ тактъ сочиненной авторомъ музыки.

Дѣло происходитъ очень, очень давно. Ягелло (г. Яновъ) пируетъ въ замкѣ со своей красавицей женой Ядвигой (г-жа Красовская). И захоти Ягелло послушать пѣвца и не простого пѣвца, а языческаго, да еще самого Макарова-Юнева. А тотъ на дыбы—не желаю. Не желаешь? Палача! А палачъ «страха ради іудейска» былъ загромированъ г. Коръ-де-Ласомъ. Но и это не помогло, такъ и не запѣлъ язычникъ. Послѣ этого, выходитъ, надо окрестить всю Литву. Кстати у верховнаго жреца Криво-кривейто (г. Петросьянъ) была дочь—колдунья (г-жа Кавбичъ), которая за сто лѣтъ до Гуттенберга отпечатала себѣ Евангеліе. Въ результатѣ Перкуна стащили веревками на землю. Изъ исполнителей назовемъ г. Янова и очень приличнаго жреца г. Петросьяна. Муки и терзанія страсти г-жи Кавбичъ мало кого трогали, а холодная декламация г-жи Красовской уныло звучала для языческихъ ушей.

Бенефицианткѣ, г-жѣ Легать, были поднесены цвѣты и подарки.

О. Димовъ.

* * *

Фарсъ. Послѣ разныхъ закулисныхъ «превращеній» «Изумительныя превращенія» В. В. Билибина были, наконецъ, поставлены на сценѣ театра «Фарсъ» 28 декабря. Это совсѣмъ не фарсъ, а одна изъ тѣхъ милыхъ и остроумныхъ комедій, успѣхъ которыхъ основанъ на живомъ діалогѣ, а не на необыкновенныхъ положеніяхъ. Ни «фортелей», ни «раздѣвальныхъ» приемовъ, къ которымъ привыкла мѣстная публика, здѣсь нѣтъ. Это хорошенькая комедія-шутка, имѣющая въ основѣ своей вполне житейскій и возможный случай.

Темой для пьесы послужила одна изъ рѣдкихъ формъ психическаго заболѣванія, извѣстная подъ именемъ «психической метаморфозы». Заключается болѣзнь эта въ томъ, что человѣкъ изо дня въ день и въ опредѣленный часъ, помимо своей воли, засыпаетъ на нѣсколько минутъ. Проснувшись затѣмъ, онъ дѣлается на нѣкоторое время до-нельзя раздражительнымъ и рѣкимъ. Причиной болѣзни, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ внезапный испугъ или вообще какое-либо нервное потрясеніе.

Молодая дѣвушка Елена Сергѣевна, дочь богатаго помещика, больна именно этой болѣзью. Родители до безумія любятъ свою дочь и, конечно, не жалѣютъ средствъ на ея

лѣченіе. Они выписываютъ извѣстнаго профессора, специалиста по нервнымъ болѣзнямъ и чудака какихъ-мало. Этотъ рѣдкій эскулапъ послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ приемовъ лѣченія нападаетъ, наконецъ, на настоящій, заключающійся въ томъ, что «клинь клиномъ вышибаютъ». Елена Сергѣевна заболѣла отъ испуга, испугъ же ее и вылечилъ. Въ результатѣ она выходитъ замужъ за бѣднаго лѣснаго таксатора, за котораго раньше родители не хотѣли ее выдать. Таково содержаніе пьесы.

Премію обрисованы отдѣльныя лица въ пьесѣ. Профессоръ Солнцевъ смахиваетъ слегка на карикатуру, хотя эта карикатура близка къ жизни. Прекуръевенъ и пресмѣшенъ отецъ Елены—Рябининъ съ его присказкой «тово». Самая же трудная и вмѣстѣ съ тѣмъ и самая эффектная роль въ пьесѣ—это роль Елены Сергѣевны. У ней слишкомъ много неожиданныхъ переходовъ отъ одного настроенія къ другому. Эти переходы требуютъ тонкой, можно сказать ажурной работы. Здѣсь все должно быть основано на полутонахъ, незамѣтно сходящихъ на нѣтъ.

Эту роль играла г-жа Грановская очень тонко и съ большимъ настроеніемъ. Особенно ей удалось переходы отъ полнаго упадка силъ, свойственнаго нравственно убитой натурѣ, къ страстному подъему настроенія. Въ этихъ переходахъ легко было впасть въ шаржъ, а потому сыграть грубо. Но чувство мѣры удержало даровитую артистку въ должныхъ границахъ. Отчетливости ея движеній, если только можно такъ выразиться, въ I и II актѣ достигала прямо художественнаго совершенства. Нѣсколько слабѣе былъ проведенъ III актъ.

Хотя и съ меньшимъ успѣхомъ, но все же старательно играли г-жа Варламова (Андронникова) и гг. Пальмъ (Солнцевъ), Каменскій (Рябининъ) и Лирскій-Муратовъ (Львовъ—женить Елены). Г-жа Варламова, по обыкновенію, безъ конца смѣшила публику. Въ топъ серьезной комедіи играть и г. Пальмъ. Жаль только, что артистъ, ифройтно, вслѣдствіе болѣзни, былъ не вездѣ ровенъ. Г. Каменскій, въ мѣру своихъ способностей, совершилъ все возможное, хотя рольку-то ему не мѣшаетъ выучить. Безъ всякаго напряженія исполнялъ Львова г. Лирскій-Муратовъ.

Съ режиссерской стороны обставлена пьеса довольно небрежно.

В. А. А—ій.

* * *

Къ сезону въ провинціи.

Иркутскъ. 3 ноября, по всему городу были развѣшены широкими афиши антрепренера мѣстнаго театра г. Кравченко, извѣщающаго публику о спектаклѣ и концертѣ въ память Мочалова. На афишахъ значилось: «Сборъ съ концерта поступить на образованіе фонда стипендіи памяти П. С. Мочалова въ благотворительныхъ учрежденіяхъ русск. театр. общ. Театръ переполнился. По полицейскому подсчету марокъ продано билетовъ 951. Но среди публики распространился слухъ, что г. Кравченко отдалъ на благотворительныя цѣли всего 350 р. Публика заволновалась, а мѣстныя газеты потребовали отъ г. Кравченко отчета. Но всѣ обращенія къ нему просьбы предпримчивый антрепренеръ оставляетъ безъ отвѣта и упорно отмалчивается.

На афишахъ, между прочимъ, было напечатано: «Оповѣщая объ этомъ знаменательномъ въ исторіи русской сцены дѣѣ, артисты иркутскаго театра надѣются, что лица, которымъ дорого искусство, откликнутся и пожелаютъ своимъ присутствіемъ въ концертѣ почтить *дорожцу* для всѣхъ память П. С. Мочалова». Въ публикѣ же упорно держался слухъ, что «артистамъ» память Мочалова столь «дорога», что они во имя ея взяли небывалыя разовыя за участіе въ концертѣ.

Одесса. Малороссійская труппа А. Л. Суходольскаго надняхъ закончила спектакли въ Русскокъ театрѣ. Двухмѣсячное пребываніе въ Одессѣ принесло товариществу 7000 р. Выѣхавъ изъ Одессы она, кстати сказать, застряла на нѣсколько дней изъ-за заносовъ. Со 2-го по 19-е декабря въ Гор. театрѣ ставились спектакли нѣмецкой труппы.

Съ 6 января въ Русскомъ театрѣ начнутся спектакли опереточной труппы г. Новикова. Въ театральнѣй коммисіи обсуждается вопросъ о болѣе равномерномъ распредѣленіи цѣны на мѣста въ Гор. театрѣ.

Вышневолоцкѣ. Мѣстный театръ снятъ артистами гг. Милославидовымъ и Онѣгинымъ. Спектакли начнутся съ 26 декабря.

Житомирѣ. Въ составъ мѣстнаго опернаго товарищества вступилъ г. Супруненко.

Новочеркасскѣ. Въ «Приаз. Кр.» находимъ слѣдующую замѣтку: Вопросъ о выборѣ мѣста подъ театръ до сихъ поръ остается открытымъ. Не найдетъ ли возможнымъ городъ скупить прекрасныя мѣста на лучшей улицѣ нашей, занятая въ настоящее время мертвыми и мрачными зданіями,—гостинными рядами. Передъ этими рядами лежатъ двѣ большія совершенно свободныя площади, представляющія изъ себя вмѣстѣ съ мѣстами самихъ рядовъ вполне достаточный просторъ для постройки не только одного, но даже и четырехъ театровъ.

Харьновъ. Постройка Народнаго Дома въ Харьковѣ, которая обойдется вчернѣ нѣсколько болѣе 60 тысячъ рублей. Не достаетъ еще нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей. Однако «Южн. Кр.» говоритъ, что отчаяваться нечего, если вспомнить, что, три года тому назадъ, при началѣ дѣла, не было ни одного гроша, а теперь есть до 70 тыс. руб.

Новочернаскъ. Въ труппу г. Крылова приглашена г-жа Кони-Стрѣльская.

Тамбовъ. Антреприза г. Крамеса не выдержала сезона до конца и теперь образовалось товарищество. Нѣкоторые персонажи выбыли изъ труппы.

Бѣжецкѣ. Намъ сообщаютъ, что въ Бѣжецкѣ въ безвыходномъ положеніи находится труппа, невѣдомаго намъ, петербургскаго артиста г. Полянскаго.

Артистамъ даже не на что выѣхать.

К. А. ВАРЛАМОВЪ, ВЪ РАЗНЫХЪ РОЛЯХЪ.

«Хрущевскіе помѣщнки», Недососовъ.

Письмо въ редакцію.

М. Г. г. Редакторъ. По поводу помѣщенной въ № 43 «Театръ и Искусство» корреспонденціи изъ Ковны, прошу дать мѣсто настоящей замѣткѣ. Г. Арканову—мною въ г. Ковна—сланы два театра: народный и городской. Первый—бесплатно, а второй—на слѣдующихъ условіяхъ. Впродолженіи всего зимняго сезона (1900—1901 г.г.), съ 1-го сентября по Великій постъ (слѣдующій сезонъ—театръ за мною), г-ну Арканову—предоставлено право ставить спектакли, при чемъ для обстановки обоихъ театровъ дано болѣе десяти перемѣнъ разной мебели. Городской театръ, снятый мною въ заброшенномъ грязномъ видѣ сланъ г. Арканову вполне реставрированный и въ зрительномъ залѣ и на сценѣ и въ смыслѣ декораций. За все это, по взаимному, доброму соглашенію, я беру съ г. Арканова тысячу рублей, считая эту сумму—по десяти рублей отъ спектакля за лично мнѣ принадлежащее театральное имущество... Всѣ же доходы по эксплуатаціи театра, какъ-то: субсидія—1000 р.; вѣшалка двухъ театровъ—2,000 р.; прибыль отъ концертовъ, благотворительныхъ вечеровъ и спектаклей любительскаго кружка—500 р. (какъ получала и я впродолженіи моей трехлѣтней антрепризы въ г. Ковно)—предоставлены, всецѣло, въ распоряженіе г. Арканова. Гдѣ же тутъ «мажорачество», въ которомъ меня обвиняетъ авторъ корреспонденціи? Обо всемъ этомъ можно говорить, предварительно, свѣдѣнія отъ г. Булыгина (владѣльца театра) и самого г. Арканова.

Прошу принять увѣрен. и пр.

В. Аничкова-Иванова.

Народный домъ

Императора Николая II.

Циркуляромъ отъ 22 декабря 1894 года министерство финансовъ обратилось къ русской интеллигенціи съ призывомъ соединиться для борьбы съ пьянствомъ, которое является однимъ изъ главнѣйшихъ бѣдствій русскаго народа. Для этой цѣли министерство рекомендовало попечительствамъ о народной трезвости устраивать столовыя, чайныя, читальни, библіотеки, театральныя представленія и т. п.

Затѣмъ въ началѣ прошлаго 1900 г. читатели наши имѣли возможность познакомиться съ другимъ циркуляромъ министерства финансовъ, коимъ предлагалось тѣмъ же попечительствамъ не ограничиваться *одними* только чайными, или *одними* только театрами, а, по возможности, бороться противъ пьянства всѣми подходящими средствами. Театры, чайныя, столовыя, библіотеки и пр.—все это должно, по возможности, дѣйствовать одновременно.

Вѣроятно, именно на этой почвѣ и зародилась мысль о народныхъ домахъ, которые по своему устройству были бы приспособлены для всѣхъ названныхъ учреждений. Одинъ изъ первыхъ такихъ домовъ былъ выстроенъ въ Тамбовѣ. Затѣмъ частью уже отстроены, а частью строятся въ гор.: Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Полтавѣ, Керчи и мн. др.

Петербургъ отсталъ отъ провинціи. Но тише ѣдешь, дальше будешь. И дѣйствительно, такого народнаго дома нѣтъ не только въ нашей провинціи, но, вѣроятно, и въ цѣломъ мірѣ.

Но буду послѣдователенъ.

Еще подъѣзжая къ народному дому Императора Николая II, я былъ пораженъ грандіозностью этого зданія, съ его великолѣпнымъ куполомъ, напоминающимъ нѣсколько старинныя церкви, какія, напр., встрѣчаются въ Ярославлѣ. Съ трехъ сторонъ зданіе еще обнесено лѣсомъ, но передній фасадъ окончательно отдѣланъ.

Громадная арка-входъ залита электричествомъ. Три двери (вѣрнѣе, трое воротъ), помѣщающіяся рядомъ ведутъ въ залъ, въ которомъ могутъ свободно вмѣститься тысяча пять народу. Сверху—куполь, на половину прозрачно-стеклянный, на половину-же разрисованный громадными картами, изображающими пять частей свѣта, и отдѣльныя страны. Нѣсколько лѣстницъ ведутъ на хоры, которые выстроены въ самомъ куполѣ, нѣсколько ниже упомянутыхъ географическихъ изображеній.

Направо отъ зала-передней, если только можно такъ называть это громадное помѣщеніе, тянется другой залъ, почти такихъ же размѣровъ. Здѣсь также хоры и даже въ два яруса. Посреди зала возвышается елка, разукрашенная фонариками. Въ концѣ этого зала помѣщается эстрада, на которой исполняются дивертисментные номера. Сначала вамъ кажется, что эта эстрада совсѣмъ не на мѣстѣ: она какъ-то портитъ общій видъ. Но вотъ одинъ номеръ дивертисмента закончился. Подъ эстрадой что-то слегка заскрипѣло и она медленно начала опускаться, и скорѣ сравнялась съ поломъ. Оказывается, что посредствомъ особыхъ машинъ, часть пола, когда нужно, поднимается и служитъ сценой.

Далѣе тянется длинный буфетъ. Повсюду разставлены сотни столиковъ. Буфетъ устроенъ тоже въ три яруса.

Но вернемся назадъ.

Налѣво отъ входной двери помѣщается зрительный залъ, громадныхъ размѣровъ. Въ немъ 1295 отдѣльныхъ мѣстъ, а на хорахъ нѣсколько ложъ. Цѣны на мѣста по праздникамъ отъ 1 рубля до 20 коп., а по буднямъ—отъ 2 руб. до 30 коп. Насколько цѣлесообразно вводить такія двоякія цѣны—мы поговоримъ потомъ, а пока только отмѣтимъ, что тому, кто желаетъ видѣть (я уже не говорю слышать, ибо въ акустическомъ отношеніи залъ очень плохъ) приходится платить (вмѣстѣ съ правомъ за входъ) *minimum*: въ будни—40 коп., а въ праздникъ—30 коп.

Михоходомъ замѣчу, что въ Александринскомъ театрѣ есть мѣста въ 27 коп., съ которыхъ видно не дурно, а за 32 коп. даже и прекрасно.

Но къ этому мы также еще вернемся, а теперь взберемся на хоры. Толкотня и давка здѣсь невозможная. Мальчуганы лазаютъ на желѣзныя колонны, чтобы хоть что-нибудь увидѣть. Но сторожа не особенно церемонятся съ ними и тутъ же, на глазахъ всей публики, по-свойски расправляются «съ рѣзвой молодостью».

Но вотъ раздается звонокъ. Публика шумно усаживается по мѣстамъ. Поднимается занавѣсъ. Идетъ «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока». На сценѣ «знакомыя все лица»: г-жа Баскакова (Амалия), гг. Дьяконовъ (Жоржъ), Вольфъ (Ворнеръ) и др. Въ другихъ театрахъ Попечительства эти артисты оставляли всегда пріятное впечатлѣніе. Но сегодня смотрѣть ихъ тяжело. Видно, что говорить имъ очень трудно. Они страшно надрываются и форсируютъ голосъ. Все же толку мало, ибо ихъ съ трудомъ слышно. Изъ общаго зала время отъ времени врывается гамъ и шумъ, производимый двѣна-

цатитысячной толпой. Это окончательно заглушает артистов. Дѣлается жаль и актеровъ, и тѣхъ, кто надѣялся получить хоть какое-либо удовольствіе отъ спектакля.

При каждомъ креслѣ первыхъ 14—15 рядовъ имѣются бинокли для бесплатнаго пользованія ими. Такимъ образомъ, народный домъ является первымъ въ Петербургѣ театромъ, снабженнымъ биноклями. Не говоря уже о заграничныхъ театрахъ, бесплатные бинокли давно уже введены и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ, напр., въ Кіевѣ, Харьковѣ и нѣкоторыхъ друг. городахъ.

Однако, въ первый же день открытія театра исчезло, какъ говорятъ, около 30 биноклей. Поэтому возникло предположеніе прикрѣпить бинокли на цѣпь къ креслу. Но и это едва ли поможетъ, ибо цѣпь всегда легко перерѣзать. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы выдавать бинокли при въшахъ, примѣнительно къ «чувству законности» и «правовому сознанию» народной массы, о которыхъ какъ-то препирались газеты.

Актъ кончился. Иду за кулисы. Здѣсь дѣйствуютъ почти всѣ усовершенствованія, какія только могла выработать европейская театральная техника.

По обѣ стороны сцены устроены уборныя. Направо отъ сцены помѣщаются (въ четырехъ этажахъ) женскія уборныя. Первый этажъ отведенъ для артистокъ, второй — для балета, третій — для хористокъ и четвертый — для статистокъ. Мужскія уборныя помѣщаются съ лѣвой стороны сцены.

Каждая уборная предназначена для трехъ — пяти артистовъ. Каждому данъ на весь сезонъ отдѣльный шкафъ, ключи отъ котораго находятся на рукахъ артиста. Передъ шкафомъ имѣется столъ. Тутъ же помѣщается зеркало громадныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ каждый артистъ имѣетъ свой собственный уголокъ, который никто другой не имѣетъ права занять, хотя-бы артистъ и не участвовалъ въ спектаклѣ. Любопытно еще и то, что въ каждой уборной сгруппированы по преимуществу артисты одного и того же амплуа. Въ одной, напр., помѣщаются всѣ комики, въ другой — всѣ простаки, въ третьей — всѣ любовники и пр. Выгода изъ этого та, что въ каждой уборной одѣвается обыкновенно только одинъ, много два артиста, ибо мало такихъ пьесъ, въ которыхъ было-бы сразу занято нѣсколько артистовъ одного и того же амплуа.

Четвертый этажъ уборныхъ совпадаетъ почти съ колосниками. Здѣсь виситъ масса декораций, поднимающихся навѣрхъ «въ чистую», т. е. онѣ не складываются и не свертываются, а идутъ цѣликомъ, что, конечно, значительно упрощаетъ дѣло. При тѣхъ приспособленіяхъ, которыя имѣются здѣсь, любая «перемѣна» можетъ быть исполнена въ двѣ — три минуты.

Здѣсь-же, за кулисами, имѣются уборныя и для артистовъ дивертисмента. Отсюда они, посредствомъ особаго подземнаго хода, переходятъ къ упомянутой выше эстрадѣ въ общей залѣ. Затѣмъ имѣются отдѣльныя помѣщенія для костюмовъ, бутафоріи и пр.

Особенное вниманіе обращено на противопожарныя средства. Всѣ сторожа, которыхъ въ народномъ домѣ сотни, награждены ведрами, и швабрами на случай пожара. На каждомъ шагу краны, трубы и пр.

За кулисами, на видномъ мѣстѣ, помѣщается не большой рычагъ, напоминающій тормазъ Вестингауза въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ. Стоитъ только надавить этотъ рычагъ, чтобы моментально открылись настежь всѣ 48 дверей и запасныхъ ходовъ народнаго дома.

Впрочемъ, при мимолетномъ осмотрѣ всего не заметишь. Я только передаю то общее впечатлѣніе,

которое производитъ это новое учрежденіе въ первую минуту. Затѣмъ, когда начинаешь разбираться въ мелочахъ и вдумываться въ частности, — недостатки и достоинства понаго театра становятся болѣе ясными.

Но объ этомъ мы потолкуемъ въ одномъ изъ будущихъ номеровъ.

В. Лисскій.

ИЗЪ МОСКВЫ.

IV.

Тридцать слишкомъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ г. Кюи поставилъ на Маріинской сценѣ своего «Ратклифа». То было 14 февраля 1869 года. Опера выдержала шесть или семь представлений и авторъ предпочелъ снятъ произведеніе съ репертуара, написавши курьезное письмо. Въ этомъ письмѣ онъ заявлялъ, что артисты (въ числѣ ихъ были Мельниковъ, Пестровъ и другія лучшія тогдашнія силы) оченъ дурно исполняютъ его оперу и потому онъ предпочитаетъ взять ее обратно. «Ратклифъ» затѣмъ лежалъ тридцать лѣтъ. Жаль, что онъ не лежалъ еще три года, какъ нѣкогда Илья Муромецъ. Илья послѣ 33 лѣтъ всталъ и побѣдилъ враговъ святой Руси. Такъ какъ въ данномъ случаѣ «Ратклифу» не хватило еще двухъ лѣтъ до надлежащаго срока, то приходится думать, что не выйти новому Ильѣ изъ его положенія и терпѣннѣя публики — чего добраго! — останется равнодушною къ «Ратклифу» г. Кюи, какъ публика шестидесятыхъ годовъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, приходится заключать, слушая эту оперу въ частномъ театрѣ г-жи Винтеръ. Объ отзывахъ газетныхъ не буду говорить. Наши музыкальные рецензенты, дающіе отчеты въ нѣсколько газетъ сразу, тѣмъ и прославились, что говорятъ все навыворотъ. Они сообщили и объ успѣхѣ «Ратклифа», когда этотъ успѣхъ въ дѣйствительности таковъ, что послѣ двухъ первыхъ представлений, состоявшихся 15 и 17 декабря, третью оперу поставилъ только черезъ двѣ недѣли, 30 декабря! Противъ логики цифръ, нечего возражать, въ особенности, когда своя рука владыка и въ случаѣ настоящаго успѣха можно было ставить оперу г. Кюи — какъ то случилось съ «Садко» или съ «Салтаномъ» — хоть по три раза въ недѣлю. Московскіе рецензенты — прости имъ, Господи, ихъ прегрѣшенія! — увѣряютъ, что оваціи, дѣлавшія г. Кюи на «Ратклифѣ», доказываютъ, что публика «привѣтствовала художника, котораго уже успѣла полюбить, узнать, съ которыми уже сроднилась». Когда бы такъ! Но публику-то, во всякомъ случаѣ, здѣсь нельзя было разумѣть, ибо она выходила изъ театра недоумѣваючи и болѣе въ него не возвращается. Вотъ если рецензенты разумѣли клакъ, свившую себѣ прочное гнѣздо въ Солодовниковскомъ театрѣ, тогда другое дѣло. Эти господа «сроднятся» съ кѣмъ угодно, смотря по полоченному приказанію.

Объ оперѣ г. Кюи въ Москвѣ говорятъ мало. И это естественно. Въ данномъ случаѣ композитора убилъ взятый имъ сюжетъ. Нелѣпнѣе нельзя было бы ничего придумать. Г. Кюи всегда отличался замѣчательною неудачею по части выбора сюжетовъ для произведеній. За исключеніемъ «Анжелы», сюжеты его оперъ — «Сынъ мандарина», «Кавказскій плѣнникъ», «Флибустьеръ», «Сарацинъ» — до того наивны, что ихъ могъ бы взять развѣ какой итальянскій маэстро, совершенно ра-

С. А. Пальмъ. «QUIZIANA» (Е. А. ВАРАНОВА)

«Театръ Фарсъ». Новое обозрѣніе Петербурга.

Рис. С. Панова.

чался замѣчательною неудачею по части выбора сюжетовъ для произведеній. За исключеніемъ «Анжелы», сюжеты его оперъ — «Сынъ мандарина», «Кавказскій плѣнникъ», «Флибустьеръ», «Сарацинъ» — до того наивны, что ихъ могъ бы взять развѣ какой итальянскій маэстро, совершенно ра-

«Братья Карамазовы».

1. Глюске-Добровольскій (Харьковъ) и гримъ его въ роли старика Карамазова.

внудушный къ тому, что ему сочинять. Я не скажу, чтобы музыка «Ратклифа» была слаба; напротивъ, въ ней есть очень порядочныя страницы, онъ даже интереснѣе многого того, что писалъ въ послѣдствіи тотъ же г. Кюи. Но сюжетъ! Напрасно г. Кюи воображалъ, — хотя бы и тридцать лѣтъ назадъ, — что все то хорошо, что ни написано Гейне!.. И у Гейне не мало вздора въ его первыхъ произведеніяхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и знаменитая баллада о сумашедшемъ Ратклифѣ. Нѣкоторые доброхоты г. Кюи въ московской печати (напр. рецензентъ «Рус. Вѣд.») вздумали было ссылаться, защищая эту нелѣпость, на г. Римскаго-Корсакова, сказавшаго якобы, что опера есть «прежде всего музыкальное произведение» и выводили отсюда, что «рѣшающая роль при сужденіи о «Ратклифѣ» должна принадлежать музыкѣ, а не сюжету». Авторъ «Салтана» никогда однако не говорилъ подобнаго вздора. Въ предисловіи къ Салтану онъ связалъ свое замѣчаніе «съ бесполезной, излишней игрой въ лирическихъ мѣстахъ артистовъ, находящихся на сценѣ, но не поющихъ»; эти артисты — по его словамъ, — отнюдь не должны отвлекать слушателей отъ пѣнія излишней игрой и движеніями «такъ какъ опера есть прежде всего музыкальное произведение». Слова эти имѣютъ совершенно ясный смыслъ. Изъ нихъ никакъ нельзя вывести заключенія о возможности писать музыку на всякій вздоръ, какой только подвернется подъ руку композитора. Приводить слова г. Римскаго-Корсакова въ такомъ смыслѣ, въ какомъ сдѣлалъ это рецензентъ «Рус. Вѣд.», значить завѣдомо взводить на челоушка напраслину. Кто, молъ, станетъ разбираться тутъ! Но я убѣжденъ, что авторъ «Салтана», если бы ему попались на глаза строки «Рус. Вѣд.», протестовалъ бы противъ навязаннаго ему воззрѣнія. Нѣтъ, на всякій вздоръ нельзя писать музыки. хотя бы и подъ предлогомъ, что берешься за оперу. Развѣ что руководиться извѣстнымъ взглядомъ Вольтера на оперу!

Баллада, отъ которой въ послѣдствіи отрекался самъ Гейне, извѣстна, и нѣтъ надобности ее пересказывать. Что же касается либретто, о немъ не стоитъ говорить. Напрасно нѣкогда г. Кюи извинялся передъ нѣмцами, что ему пришлось «поразить» Гейне, переводя его съ русскаго перевода снова на нѣмецкій языкъ. Испорченного не испортишь и либретто, сочиненное покойнымъ Плещеевымъ, принадлежитъ къ числу заранее осужденныхъ. Нельзя понять — какими соображеніями руководствовался композиторъ, взявшись за сюжетъ, гдѣ всѣ сумашедшіе, нельзя понять какія достоинства могъ онъ видѣть въ немъ. Правда, сравнительно недавно Маскани тоже написалъ «Ратклифа», но въздъ это же беззаботный челоуекъ на счетъ литературы! И стоять съ нимъ на одной доскѣ вовсе не лестно, въ особенности критику, который поучалъ всѣхъ, что хорошо и что дурно въ сценическихъ произведеніяхъ. А впрочемъ, мало-ли чему не поучалъ насъ г. Кюи, самъ не слѣдуя своимъ проповѣдямъ, напр., хотя бы относительно декламации. Какую страницу ни развернешъ въ «Ратклифѣ», вездѣ найдешь невѣрность ея. «Онъ видитъ духовъ» (стр. 156), «при черномъ камнѣ на караулъ наткнешься» (стр. 157), «не бойся, страхъ весь караулъ разгонитъ (тамъ же) и т. д., примѣровъ такой декламации у г. Кюи сколько угодно,

не говоря о томъ, что музыкальные акценты у него вообще не совпадаютъ съ логическимъ строеніемъ разговорной фразы.

Обиліе въ «Ратклифѣ» нескончаемыхъ и схожихъ между собою «разказовъ» замѣняющихъ отсутствующее дѣйствіе влияетъ убійственно на слушателя. Эти «разказы» написаны знаменитымъ «мелодическимъ речитативомъ», которымъ нѣкогда адепты музыкальной правды смущали людей, увѣряя, что въ этомъ то речитативѣ и лежитъ сама красота. На дѣлѣ тутъ всегда почти только безцвѣтность, и отсутствіе выдающейся музыкальной мысли. Стиль «Ратклифа», впрочемъ, разнообразенъ. Рядомъ съ вѣянїями Шумана слышится Оберъ, замѣчаются и приемы самого г. Кюи, состояшіе въ томъ, что онъ сравнительно много пользуется коренными мотивами, лейтмотивами, т. е. именно тѣмъ, что въ то самое время какъ сочинялъ «Ратклифа» или немного спустя онъ такъ строго осуждалъ у Вагнера. «Мотивы» эти онъ иногда разрабатываетъ технически, отъ чего они не становятся интереснѣе. Вообще въ противность мнѣнію, которое теперь начинаютъ распространять полуграмотные рецензенты, надо сказать, что мелодія всегда была и останется слабой стороною г. Кюи. Его мелодіи, за рѣдкими исключеніями, всегда безцвѣтны и похожи одна на другую. Любопытно, сколько напр. во 2-мъ дѣйствіи «Ратклифа» (написанномъ въ оберовскомъ духѣ) мелодій схожихъ съ мелодіями «Кавказскаго плѣнника», или какъ мелодіи разныхъ лицъ похожи одна на другую, при общей ихъ притомъ безжизненности. Сравните, напр., пѣсни Робина — «Вотъ дѣльно, право дѣльно» (стр. 110) и Лесли — «Кто хочетъ веселиться» (стр. 125). Развѣ это не одно и то же? Сильною стороною г. Кюи была всегда гармонія и въ этомъ отношеніи и въ «Ратклифѣ» есть интересныя сочетанія. Но, вообще, чисто техническая сторона этой оперы, не изъ важныхъ. Стиль ея — мѣшанный, какъ замѣчено выше. Недостатокъ же оперы въ томъ, что она скучна. Тѣмъ не менѣе, какъ я уже замѣтилъ выше, въ «Ратклифѣ» встрѣчаются хорошія страницы. Во-первыхъ, граціозный женскій хоръ въ которомъ, конечно, нѣтъ ничего шотландскаго (какъ и во всей оперѣ нѣтъ мѣстнаго колорита, не смотря на пользование кое-гдѣ шотландскими темами или поддѣлками подъ нихъ), первый романсъ Маріи («Напоминаютъ дѣтство мнѣ они»), затѣмъ красивы прелюдія и дуэтъ 3-го дѣйствія, добротпорядочный и съ настроеніемъ. Кажется, я перечислилъ все. Это немного, но что дѣлать! Инструментовка, какъ почти всегда у г. Кюи, тускла въ «Ратклифѣ».

Нужно ли было выкапывать изъ архива эту оперу? Почему нѣтъ, если русскіе оперъ вообще немного! Но для популярности г. Кюи въ Москвѣ она многого не сдѣлаетъ. Въ этой оперѣ есть добрыя намѣренія, но добрыми намѣреніями вымощенъ и адъ.

Исполненіе посредственное какъ при большинствѣ случаевъ въ театрѣ г-жи Винтеръ, гдѣ всѣ постановки кажутся сдѣланными на спѣхъ, идущими безъ репетицій. Изъ артистовъ можно отмѣтить лишь г. Шепелева (порядочный Ратклифъ) и г-жу Петрову (Маргарита). Сценическая сторона груба какъ всегда.

Когда-то, помните?—хвастливая синица
Божилась на весь міръ, что море подожжетъ
И славу тѣмъ себѣ на вѣки наживетъ.
Не басня то, друзья, не просто небылица,
На свѣтѣ есть, клянусь, диковинная птица;
Огнемъ владѣтъ она большая мастерица,—
Скумѣетъ безъ труда все море вамъ зажечь
И друга-недруга на томъ огнѣ испечь.
Бѣ имя Сплетница иль тоже Клеветница.
Изъ басни озорница
Лишь хвастала, врала —

Взаправду Сплетница всѣ волны подожгла,
Но поразскажутъ вамъ о томъ другія лица,
Что сами видѣли, какъ птица-Клеветница
Огонь на морѣ развела.
Я тоже тамъ въ тотъ часъ была;
Такъ пламя вверхъ она вздувала,
Что самому, клянусь, вдругъ небу жарко стало
И море въ берегахъ кипѣло; какъ въ котлѣ.
Запахло тутъ ухой далеко по землѣ,
Хотѣлось мнѣ поѣсть тарелочку ушницъ;
За ложкой побѣжать пришлось,
Но ѣсть ухи не довелось.
Вернулася назадъ—ни капельки водицы!
Все море высохло, какъ жалкая рѣка.
Гляжу—огонь вскочилъ съ воды на облака,
Въ нихъ такъ и рѣяли блестящія зарницы.
Вотъ видите-ль, друзья, живутъ какія птицы!
Лишь только язычкомъ онѣ чесать начнутъ,
Не только море все, весь океанъ зажгутъ,
И ангеловъ съ небесъ изжарятъ, испекутъ!
— А сплетницынъ портретъ? вы спросите, дѣвицы,—
Чай безобразна и стара,
Мрачна какъ зимняя пора?
Вы ошибаетесь, какъ всѣ другія птицы
И Сплетницы иль Клеветницы
Сначала юны, господа!
Красивы даже иногда,
Вотъ такъ, какъ вы, мои сестрицы,
И долу, какъ у васъ, опушены рѣсницы,
И тихъ, смирененъ разговоръ
Невиненъ, чистъ и ясенъ взоръ!
Какъ вы, прелестны безъ границы
Старѣютъ ужъ потомъ! и какъ!
Дурнѣютъ такъ —
Сказать нельзя! Да, Божія десница
Безвременно кладетъ на милыя ихъ лица
И безобразія и старости печать.
Но что мнѣ вамъ еще сказать?
Судьбы коварной баловницы?
Не бойтесь сплетенъ, клеветы,
Не запятнать имъ красоты,
Когда души простой страницъ
Всѣ бѣлоснѣжной чистоты,
Вамъ добрый дамъ совѣтъ, о сестры-голубины:
Чтобъ безобразными не стать—
Вы бойтесь сплетничать, вы бойтесь клеветать.

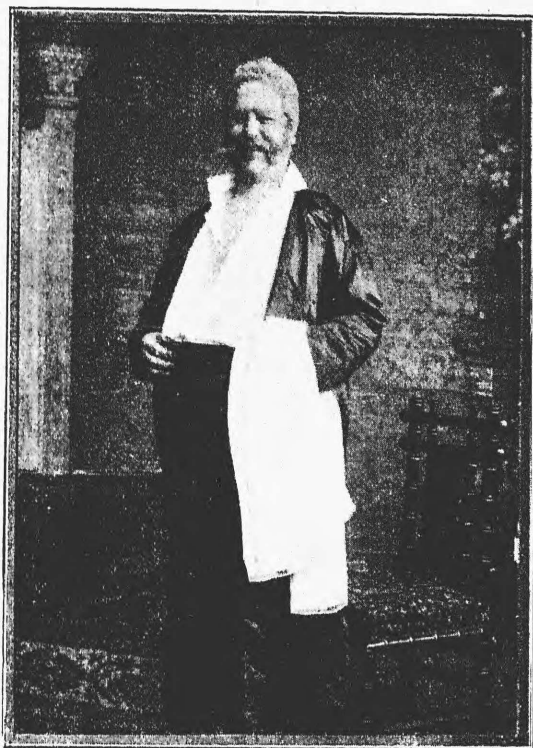
М. Триневская.

Театральныя замѣтки.

Отпраздновали юбилей К. А. Варламова. Говорятъ, „Снѣгурочка“ плохо была поставлена и плохо прошла. Другого, впрочемъ, ожидать нельзя было. Одно—заставлять учениковъ въ театральномъ училищѣ читать съ голоса, такъ что каждый годъ, бывало, видишь многихъ „маленькихъ Давыдовыхъ“, похожихъ на говорящихъ скворцовъ, а другое поставить поэтическую сказку. Впрочемъ Богъ съ ней, со „Снѣгурочкой“: я, по болѣзни, на спектакль не присутствовалъ, да и если пойду смотрѣть „Снѣгурочку“, такъ охоты нѣтъ разбирать, какъ г. Давыдовъ понимаетъ произведенія изящной словесности. Мнѣ хочется поговорить о „любимцѣ публики“, г. Варламовѣ, про котораго всѣ говорятъ „Варламовъ“, „Варламовъ“, а мало кто его цѣнитъ настоящимъ образомъ, и меньше всего сама театральная дирекція.

Въ петербургскомъ Александринскомъ театрѣ мало первоклассныхъ талантовъ въ истинномъ значеніи этого слова. К. А. Варламовъ, несомнѣнно, относится къ числу этихъ немногихъ. Но судьбы ихъ различны. Немногіе взяли отъ сцены „возможную дань“, и точно также публика взяла „возможную дань“,—съ нихъ. Варламовъ же просто „любимецъ публики“, не исчерпавшій и сотой доли своего колоссальнаго таланта, и столь же мало использованный публикой. У Варламова нѣтъ того, что называется „театральнымъ характеромъ“ и что, къ сожалѣнію, на сценѣ едва ли не болѣе нужно, чѣмъ самый талантъ. Варламова легко уговорить сыграть чортъ знаетъ что. И онъ играетъ. Варламову можно подsunуть роль нелѣпую. И онъ возится съ нелѣпой ролью. Варламова можно держать на эпизодическихъ роляхъ, убѣдивъ его, что нынче авторы не пишутъ первыхъ ролей для комиковъ, а онъ—комикъ, и притомъ исключительно таковой. Что же дѣлать, думаетъ Варламовъ,—и играетъ эпизодическія роли въ эпизодическихъ пьесахъ.

Генералъ Бетрищевъ, «Мертвыя души».

сахъ эпизодическаго репертуара, играетъ часто спустя рукава, по трафарету—ибо что тутъ играть?—отвыкаетъ отъ сложной работы, забрасываетъ, вопреки правилу: „чаще поворачивай свой стиль“, приемы художественной характеристики, и довольствуется званіемъ „любимца публики“. Что то въ родѣ „почетнаго опекуна“ въ административной іерархіи. Почетно, пріятно, лестно, но собственно говоря, пятая спица въ колесницѣ.

Я помню, какъ изумлялись многіе, когда Е. П. Карповъ, возобновляя „Свои люди—сочтемся“, поручилъ роль Большова Варламову. И вотъ, этотъ „комикъ“, сыгралъ Большова такъ, что я и по сей-часъ вижу эту трясущуюся фигуру, эти слезы, отъ которыхъ дрожала мощная грудь,—и уже послѣ Варламова, не могу себѣ представить никакого другого Большова. Въ „Новомъ дѣлѣ“, въ „Борцахъ“—это опять были фигуры, полныя жизни, яркости, красокъ. Не съ перваго раза такъ игралъ ихъ Варламовъ. О, далеко нѣтъ! Онъ не совсѣмъ правильно игралъ эти роли въ началѣ, ибо, повторяю, его убѣдили, что онъ комикъ, что для комика требуется какая то внутренняя „жила“, отъ которой у смѣшливой публики трепыхается животъ, и Варламовъ ко всѣмъ этимъ ролямъ подходилъ съ убійственнымъ одно-образіемъ, танцуя, какъ купеческая дѣвица, „отъ печки“. Но живая сила его таланта брала свое; и по мѣрѣ того, какъ онъ игралъ эти роли, онъ обла-калъ ихъ въ чудесный нарядъ красоты и правды. Когда, спустя три года, я увидалъ Варламова въ „Новомъ дѣлѣ“, я не узналъ его. Это былъ дѣй-ствительно художественный образъ, вызывавшій не одинъ смѣхъ, но и состраданіе, и въ послѣднемъ актѣ отъ теплоты, которую источалъ этотъ якобы буффонный комикъ, у меня стало щемить на сердцѣ...

Да позвольте: что за грубое разграниченіе комизма и драматизма? Я понимаю еще это разграниченіе отно-сительно *способныхъ* людей, но никакъ не относи-тельно истинно талантливыхъ. Способный человѣкъ можетъ обладать одною какою нибудь способностью,

а другою—не обладать, совершенно такъ же, какъ, напри-мѣръ, „мануфлейтистъ“ въ состояніи изобразить хрюканье поросенка, а не можетъ подражать свисту локомотива: губы или глотка устроены такъ, а не этакъ. Но талантливый человѣкъ есть человѣкъ, чувствующій и постигающій жизнь, объемлющій ее, вникающій въ ея нѣдра, отражающій ея бѣніе. И если это такъ, то онъ не можетъ только смѣяться, ибо жизнь не всегда смѣется, и не можетъ только плакать, ибо жизнь не всегда плачетъ. Жизнь—двулика; жизнь есть смѣна настроеній; жизнь самаго смѣшливаго че-ловѣка полна трагизма, и наоборотъ. Всегда, „улыб-кой ясною природа сквозь сонъ встрѣчаетъ утро го-да“, и часто бываетъ такъ, что „на закатъ печаль-ный блеснетъ заря улыбкою прощальной“. И все-таки комикъ долженъ только смѣяться, а трагикъ коло-тить себя въ грудь и взывать къ мщенію? Да вѣдь тогда они вырождаются въ ремесленниковъ, въ штука-рей. Вѣдь невозможно быть и оставаться художни-комъ, и не заглядывать въ другую половину жизни. Вѣдь въ концѣ концовъ, и половинокъ-то никакихъ нѣтъ, а есть большое цѣлое, и все зависитъ отъ от-ношенія къ этому цѣлому, и *du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas...*

На сценѣ, какъ и въ жизни, есть характеръ, а не смѣшное—*etwas lustiges* и печальное—*etwas trauriges*. Эти порціи смѣшного и печальнаго до-стойны кухмистерской, а не художественной литера-туры, и такъ какъ Александринскій театръ репер-туаромъ снабжали больше изъ кухмистерскихъ, не-жели изъ храма литературы, то неудивительно, что Варламовъ, появляясь въ эпизодическихъ роляхъ ничтожныхъ пьесъ, дѣйствительно больше смѣшилъ, нежели создавалъ характеры. Но чувствовалось всегда, какъ этотъ большой талантъ, если можно вырази-ся, изнемогаетъ подъ тяжестью ничтожныхъ ролей. Какъ вамъ сказать? Если „мечъ Ахилла не по ру-кѣ его оруженосцу“, то вѣдь точно также и наобо-ротъ, мечъ оруженосца не по рукѣ Ахиллу. Взмах-

К. А. ВАРЛАМОВЪ, ВЪ РАЗНЫХЪ РОЛЯХЪ.

«Венеційскій истуканъ».

П. П. Гнѣдича.

нувъ легонькимъ мечомъ, какъ тросточкой, Ахиллъ почувствуетъ такую же точно неловкость въ мышцахъ и вялость движеній, какъ если бы слишкомъ натрудилъ себя. И вотъ этими-то ничтожными, жалкими, водевильными ролями, легче пуха, кормили по истинѣ гигантскій талантъ Варламова, все больше и больше отдавая его въ жертву шаблону, атрофируя его изобразительныя способности и утѣная его званіемъ „любимца“, въ то время какъ все, что почуднѣе, поживописнѣе, поразнообразнѣе и попестрѣе, игралъ г. Давыдовъ, комикъ буффъ по темпераменту, г. Сазоновъ, этотъ превосходный техникъ, лишенный, къ сожалѣнію, истиннаго огня, и другіе, которыхъ я не перечисляю. Такова сила предвзятости, такова безнадежность ограниченнаго воззрѣнія, которое убѣждено, что еще ты комикъ, то комикуй, а еще резонеръ, то резонируй...

Прошли года, и Варламовъ продолжалъ оставаться все на той же линіи „любимца“. Онъ былъ просто „любимецъ“, въ то время, какъ такой-то художественно „проводилъ роль“, а такой-то „изображалъ внутреннія страданія“ и пр., что пишется обыкновенно въ рецензіяхъ. Изъ перерусскихъ русскій чело-вѣкъ, добродушный, податливый, сырой, Варламовъ, въ концѣ концовъ, кажется, и самъ сталъ думать, что не по заслугамъ взысканъ, что овому—талантъ, и овому—другой, а ему—любовь публики, какъ награда за симпатичность на сценѣ. Я не могу забыть, какъ онъ со слезами на глазахъ благодарилъ за вѣнокъ, на которомъ значилось „талантливейшему артисту“. Кстати сказать, и вѣнокъ-то былъ отъ антрепренера, и сборы-то онъ сдѣлалъ антрепренеру превосходнѣйшіе. Ну, чего, казалось бы, чиниться? Но онъ словно даже растерялся отъ такой чести. Словно въ первый разъ предъ нимъ мелькнула мысль: „а вѣдь, пожалуй, я и точно талантъ, не только „любимецъ“. И кто знаетъ, быть можетъ, живымъ укоромъ промелькнулъ предъ нимъ рядъ ролей, легче пуха, которыя онъ игралъ, и рядъ другихъ ролей, тяжелыхъ, отвѣтственныхъ, „умственныхъ“, которыя играли прочіе, и обидой все это—конечно, на мину-ту—обошло ему сердце.

Обыкновенно говорятъ: „размѣняться на мелочи“. Это — глаголъ средній. На сценѣ такъ много активныхъ силъ, такъ много давленій, злостной борьбы, что чаще размѣниваютъ на мелочи, чѣмъ размѣниваются. Я предпочитаю, для вѣрности, глаголъ дѣйствительный. Вѣдь играешь что дають. Вѣдь если зубами не вцѣпишься—роль вырвутъ. И если актеръ размѣнивается на мелочь, и побрякиваетъ пяточками вмѣсто полноценнаго рубля,—вѣдь его-то, собственно, грѣха не такъ ужъ много. Вѣдь если у актера нѣтъ театральнаго характера, т. е. способности, „да-паться“, задираеть голову, предписывать законы, требовать въ однихъ случаяхъ, и унижаться, до потери достоинства—въ другихъ, забѣгать къ рецензентамъ, которыхъ презираешь,—потому что и понимать-то они ничего не понимаютъ, и души у нихъ чернильныя, и совѣсть что залчій салоппъ десятки разъ крашена,—если всѣхъ этихъ счастливыхъ и необходимыхъ свойствъ „театральнаго характера“ нѣтъ, что же актеръ дѣлать? Работать надъ „усовершенствованіемъ любимыхъ думъ“ у себя въ кабинетѣ, „не требуя наградъ за подвигъ благородный“? Но для этого нужно еще нѣчто большее, нежели театральнѣйшій характеръ,—нуженъ характеръ борца. Это — тотъ характеръ, который въ соединеніи съ талантомъ, даетъ геній. Но увы, его въ лавочкѣ не купишь, а особенно въ нашей русско-лавочкѣ, гдѣ много накопилось сырости и плѣсени...

И тогда предъ нами „любимецъ публики“. Огромный талантъ, самобытный, яркій, самоцвѣтный, что

камень рѣдкой породы,—но въ то же время нѣчто столь неопредѣленное въ театральной терминологіи, что даже номенклатуры для него другой не придумали, какъ „любимецъ“. Любятъ тебя, молъ, и будь много доволенъ! Ибо сколь многихъ терпѣть не могутъ, хотя ихъ разбираютъ по косточкамъ, и каждую косточку разъясняютъ публикѣ...

* * *

Я хотѣлъ еще написать о покойномъ М. П. Федоровѣ, типичномъ театралѣ добраго стараго времени. Но эту бесѣду позвольте отложить до слѣдующаго раза...

А. К—ель.

Переписчикъ.

I.

Порничная подала мнѣ письмо. Почеркъ знакомый: моего пріятеля—Анатолія Петровича. Анатолій Петровичъ пишетъ—какъ и всѣ поридочные литераторы—связно, сокращенно, неразборчиво, и читать его рукопись могутъ только наборщики, у которыхъ глаза „пристрѣлявшійся“.—Хуже всего, когда при этомъ посланный ждетъ отвѣта; такъ было и теперь.

— Тамъ дожидають, — не знаю — господинъ или чело-вѣкъ,—только воротникъ у нихъ вытерши.

Я попробовалъ вникнуть въ смыслъ загадочныхъ крючковъ, довольно близко напоминавшихъ іератическое написаніе іероглифовъ,—и извѣлъ даже для этого лупу. Отъ лупы буквы стали толще, но смыслъ ихъ оставался по прежнему скрытымъ.

— Кланяйтесь и поблагодарите,—сказалъ я.

Но горничная вернулась, и заявила, что господинъ (или чело-вѣкъ?) ни кланяться не хочетъ, ни передавать моей благодарности, а желаетъ мнѣ видѣть лично по дѣлу, о которомъ говорится въ письмѣ.

Я напрягъ всѣ усилія и зрительныхъ и мозговыхъ нервовъ и прочелъ слѣдующее:

„Дорогой П. П.,—рекомендую вамъ переписчика господина Аксусина. Не могу вамъ сказать, что онъ: изъ студентовъ, изъ военныхъ, или самъ по себѣ. Но онъ свободно читаетъ мой почеркъ—этого довольно. Аксуратенъ, даже водкой не пахнетъ. На лицѣ—зловѣщая рѣшимость,—но не обращайтесь на это вниманіе. Жму руку“.

Я вышелъ въ прихожую. Тамъ стоялъ чело-вѣкъ дѣйствительно мрачнаго вида. Онъ былъ невысокъ, приземистъ, съ выдавшимися скулами и геморроидальнымъ лицомъ. Волосы его напоминали примятую траву, если бы трава могла быть шафраннаго цвѣта. Онъ былъ близорукъ, и на его тонко-сплюсненномъ блестящемъ носу сидѣли немного наклонъ очки съ толстыми стеклами, перевязанныя въ одномъ мѣстѣ сѣрой ниточкой. Воротникъ его былъ несомнѣнно вытертъ, но та-же участь постигла и его пальто, напоминавшее угольный мѣшокъ, и коричневыя съ шотландскимъ рисункомъ панталоны, и сапоги, схожіе съ индѣйскими мокасинами, и шляпу, очевидно, служившую до тѣхъ поръ, пока ее взяли, какъ головной уборъ, какой нибудь иной хозяйственной принадлежностью.

— Виноватъ,—сказалъ онъ такимъ басомъ, какого никакъ нельзя было ожидать изъ такого тщедушнаго

горла. — Анатолий Петрович направил меня къ вамъ.

Онъ презрительно посмотрѣлъ на меня.

— Прошу переписки,—добавилъ онъ еще тономъ ниже.

— У меня нѣтъ, возразилъ я.

Онъ съ удивленіемъ поднялъ голову.

— Что-о? строго спросилъ онъ. — То есть какъ это нѣтъ?

— Я всегда самъ...— началъ робко я.

— Са-ами?... Гм... Но видите-ли,—у меня старуха мать лежитъ безъ ногъ,—и все такое. А впрочемъ что-же,—вѣдь не за горло же хватать васъ? Мое почтеніе.

Онъ повернулся, и прежде чѣмъ я успѣлъ остановить его—вышелъ.

II.

Черезъ два часа я получилъ письмо, написанное превосходнымъ почеркомъ и такого содержанія:

„Выставленный отъ васъ, снова назойливо лѣзу. Нужда,—иначе зачѣмъ-же беспокоить—и прочее. Переписка найдется, только подумайте. Зайду завтра къ одиннадцати. Если будете спать—оставите горничной. Согласитесь: ѣсть надо? Павелъ Аксусинъ“.

Внизу была приписка:

„Нахаль? Ой нахаль-ли?“

Очевидно, Аксусинъ ломался.—Но Анатолий Петровичъ даромъ рекомендовать не будетъ. Въ Аксусинѣ были несомнѣнно скрытыя достоинства.—Я долго думалъ, какую бы ему дать работу. Наконецъ рѣшилъ переписать лишній экземпляръ только что переведенной пьесы.

Ровно въ одиннадцать, въ прихожей послышался густой басъ:

— Потрудитесь обезпokoить: желаю видѣть.

Получивъ рукопись, онъ скорчилъ кислую мину.

— Шекспира въ новый колеръ перекрашиваете? — Ну, ладно.

Онъ посмотрѣлъ на меня вопросительно и нѣсколько испытующе.

— Задатокъ? спросилъ я

Онъ утвердительно кивнулъ головой, и даже какъ будто усмѣхнулся. Получивъ деньги, онъ только сказалъ.

— Непотрудитесь ли вы самымъ точнымъ образомъ опредѣлить часъ, когда я могу застать васъ. Согласитесь, что шлеться по пустому непріятно?

Я согласился, и сказалъ, въ какой часъ я всегда дома.

— Запомню! проговорилъ онъ, и скрылся.—

Черезъ пять дней онъ принесть работу, почеркъ былъ столь же удивительный—какъ и въ письмѣ. Къ сожалѣнію, Аксусинъ взялъ проточную бумагу и буквы просвѣчивали на обѣ стороны.

— А вѣдь это скверно,—сказалъ я.

— Да,—согласился онъ, точно удивившись самъ тому, какъ это скверно.—Ну, да вѣдь что-жъ хотите за эту цѣну.—Впрочемъ впередъ можно употребить болѣе плотный матеріалъ.

— Да ужъ, пожалуйста.

— Я тутъ въ одномъ мѣстѣ сдѣлалъ маленькое измѣненіе,—замѣтилъ онъ.—У васъ сказано „небесной“. Я написалъ—„не земной“.

— Да вѣдь вы стихъ испортили.

— Чорта-ли въ стихѣ! За то не такъ пошло.

Я вручилъ ему деньги, и тутъ только замѣтилъ, что онъ въ свѣтло-сиреновомъ пальто, довольно моднаго образца, хотя и легковатымъ для сезона.

— Купили? спросилъ я.

Онъ выразилъ на лицѣ испугъ.

— Никогда! Анатолий Петровичъ подарилъ. Въ томъ пальто швейцаръ на лѣстницу не пускалъ.

Я посмотрѣлъ на его шляпу.

— Вамъ бы и шляпу... Хотите, дамъ?

— Покажите—идетъ-ли.

Оказалось, что шляпа идетъ.—Онъ посмотрѣлся внимательно въ зеркало.

— Теперь остается достать желтые сапоги,—сказалъ онъ:—буду чистѣйшій пшютъ.

МАРІЯ СТЮАРТЪ.

Графъ Лейстеръ—г. Далматовъ.

Рис. А. Любимова.

III.

Черезъ три дня онъ явился хмурый. На предложеніе снять пальто и войти, онъ отказался.

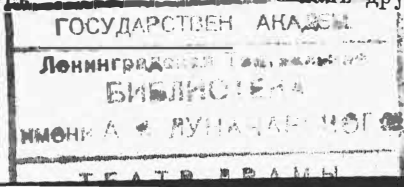
— Прежде чѣмъ предлагать,—строгимъ тономъ сказалъ онъ,—надо знать,—мыслимо-ли исполнить это предложеніе.

Я понялъ, что находившееся у него подъ верхней одеждой не могло быть показано постороннимъ, и не настаивалъ.

— Ну, вотъ вамъ экземпляръ на толстой бумагѣ,—заявилъ онъ.

— Позвольте, я вамъ его не заказывалъ.

— Да вѣдь вы сказали, что тотъ скверенъ? Я сдѣлалъ другой.

— Это любезно.

— Ну, что-жъ тутъ любезнаго! Вѣдь и за этотъ же вы мнѣ заплотите?

— А съ чего же вы переписывали? спросилъ я, вспомнивъ, что у меня осталась и рукопись и оригиналъ.

— У меня еще есть экземпляръ. — Я полагаю, вамъ нужно, по крайней мѣрѣ, четыре списка.

— Совсѣмъ не нужно столько.

— Необходимо нужно, безапелляціоннымъ тономъ возразилъ онъ. — У васъ будетъ четыре списка. А впрочемъ — быстро подхватилъ онъ — если не желаете — дайте другую работу. Не все-ли мнѣ равно?

— Ваша мать все еще больна? спросилъ я.

Лицо его передернуло.

— Вамъ-то что? У васъ мать здорова?

— Давно умерла.

— Ну, и Господь съ ней. — А мою оставьте.

Онъ сурово сунулъ деньги въ карманъ и повернулси, чтобы идти.

— Глупѣйшее воспитаніе! вдругъ сказалъ онъ, останавливаясь на порогѣ.

Я спросилъ, про кого онъ говоритъ.

— Про себя. — Университетскій, а живу перепиской. Въ университетѣ всему учили, кромѣ каллиграфіи. А я ею существую. Возмутительно!

— Уроковъ не даете?

— Требуютъ, чтобы на ногахъ была обувь, хотябы механическая, — и платятъ сорокъ копеекъ за часъ. — Контролеромъ на конкѣ выгодиѣ.

— А были?

— Ъздилъ лѣтомъ. — Тоже университетъ ни причемъ оказался. — Впрочемъ изъ конки, за грубость изгнали. Былъ грубъ съ пассажиромъ. Сидитъ подлецъ, читаетъ Нитше, а самъ меня „братцемъ“ называетъ: „Спусти-ка, говоритъ меня, братецъ“. Ну, и его и спустилъ. Уволили. — Я не претендую, — но вопіетъ желудокъ. А впрочемъ все это пустякъ. Извините за лишнія слова. А впрочемъ зачѣмъ извиняться?

Онъ клонулъ вмѣсто поклона носомъ и исчезъ.

IV.

Черезъ день получаю снова письмо.

„Отъ Шекспира у меня изжога. У васъ, полагаю, тоже. Дайте что-нибудь другое. Могу переводить съ латинскаго, греческаго, нѣмецкаго. Держу корректуру. Могу быть посыльнымъ. Учю дѣтей. Рисую карикатуры. Читаю вслухъ пріятно, на бархатныхъ нотахъ. Готовъ быть компаньономъ (мужской родъ отъ компаньонки). Отказываюсь только чистить сапоги и натирать полы. А банки ставитъ умѣю. За двадцать пять рублей въ мѣсяцъ готовъ и читать, и банки ставить, и разговаривать послѣ обѣда о папѣ, астрономіи и англійской литературѣ. Знаю всѣ гамбиты по шахматному дѣлу. — Рекомендуйте куда-нибудь. Лучше всего къ генералу отставному. Люблю дразнить генераловъ“.

— Зачѣмъ вы ломаетесь? спрашиваю у него слѣдующимъ утромъ.

Онъ покраснѣлъ.

— Развѣ?

— А что же это, какъ не ломанье? Мѣсто просите, а дразнить генерала хотите?

— Я его такъ пріятно щекотать буду. Онъ будетъ радъ со мной сдѣлаться. — А что, развѣ есть такой на примѣтъ?

— Есть.

Глазки у Аксусина блеснули.

— Рекомендуйте. Ей Богу, часовъ не стащу. — Я ему даже акаеисты читать буду. Ругать наше время

стану. Много удовольствія доставлю. Настоящій генераль?

— Статскій.

— Тѣмъ лучше, Статскіе разсыпчатѣе. Не осрамлю. Общаете?

— Я васъ рекомендую, — но удержаться на мѣстѣ — ваше дѣло.

— Ладно.

И я его рекомендовалъ къ генералу Дорошовскому.

П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Письма изъ Кіева“.

III.

«Вава», вторая новинка кіевской сцены.

Посредственное исполненіе пьесы на кіевской сценѣ нагляднѣе обнаружило фальшь этой передѣлки или «поддѣлки», въ коей принималъ участіе неизбѣжный г. Крыловъ.

Вслѣдъ за «Вавой» былъ поставленъ «Буреломъ» А. М. Федорова. Пьеса была назначена на 5-е декабря, но «заболѣла» г-жа Пасхалова, и спектакль пришлось отложить на недѣлю. Представленіе состоялось 11 декабря, при почти полномъ театрѣ. Ожиданіе скандала подогрѣло интересъ публики къ пьесѣ г. Федорова. Въ этомъ смыслѣ гг. одесскіе манифестанты оказали автору неоцѣнимую услугу.

Ожиданіе не оправдалось. Спектакль прошелъ мирно. «Неосторожныя слова» г. Тумазова въ XIII яв. 1-го дѣйствія были благоразумно выпущены.

Г. Лонгиновъ, такъ блестяще аргументировавшій на страницахъ «Россіи» въ защиту своихъ правъ зажимать ближнему ротъ, можетъ торжествовать... Его благожслательный совѣтъ автору пьесы исполненъ, непріятныя слова выпущены. Воцарился на землѣ миръ и въ человѣчѣхъ благоволеніе!...

Разыгранъ «Буреломъ» былъ тоже не важно. Особенно удручающе слаба была г-жа Пасхалова въ роли Нильской, такого манернаго и притязательнаго исполненія я давно не видѣлъ.

Г-жа Пасхалова изображала не русскую драматическую актрису высокой марки, какой въ пьесѣ обрисована Юлія Михайловна Нильская, а просто какую-то сирену неотразимаго очарованія и неопредѣленныхъ занятій. Даже съ чисто внѣшней стороны это было что-то очень странное. Пусть г-жа Пасхалова отвѣтитъ мнѣ по совѣсти: принимала она сама приглашенныхъ на вечеръ гостей въ такомъ откровенномъ туалетѣ, въ какомъ актриса Нильская, въ ея изображеніи, принимаетъ ихъ въ IV яв. III-го дѣйствія? Не надо быть особенно тонкой кокеткой, чтобы постигнуть привлекательность контраста, я не говорю о простомъ приличіи. Вѣдь если отдѣленные рампой поклонники актрисы иногда могутъ созерцать ее чуть не голой, то у нея въ квартирѣ они всегда встрѣтятъ ее застегнутой до ушей... Если г-жа Пасхалова можетъ на мой вопросъ отвѣтить утвердительно, я почтительно извиняюсь въ своей отсталости.

Г. Багровъ-Тюменевъ былъ все тотъ-же неизмѣнный г. Багровъ. Если г-жа Пасхалова перепустила въ очарованіи, то г-нъ Багровъ переусердствовалъ въ чувствительности; судя по его исполненію роли Тюменева, пьесу слѣдовало бы назвать: «Чувствительный авторъ, или какъ опасно ставить пьесы», сугубо жалостная исторія одного молодого и не въ мѣру пылкаго драматурга.

Сцена, заключающая IV-й актъ пьесы и придуманная г. Федоровымъ для развязки драматической коллизіи, нашла въ г. Багровѣ признательнаго исполнителя. Г. Багровъ съ такимъ пыломъ продекламировалъ трескучій монологъ Тюменева, что его заключительный вопросъ, обращенный къ Барскому: «теперь вы понимаете, какой здѣсь надо тонъ?» вызвалъ въ врительномъ залѣ весьма ядовитый смѣшокъ.

Барскаго изображалъ г. Болховской. Въ Кіевѣ къ этому прибавлять было-бы нечего: Болховской — этимъ все сказано! Приглашенъ г. Болховской, повидимому, на ампуа фатовъ,

но это какое-то недоразумѣніе. Манеры и наружность г. Болховского таковы, что онъ смѣло могъ-бы играть самыхъ добродѣтельныхъ людей.

Изъ всѣхъ исполнителей я отмѣтилъ-бы г-жу Болотину, игравшую горничную г-жи Нильской. Очень живое и осмысленное исполненіе.

Г-жа Болотина молодая, начинающая актриса, если не ошибусь, ученица г. Богданова.

Г. Режиссеру слѣдовало-бы догадаться, что врядъ-ли у выдающейся столичной артистки могла быть такая затрапезная кухарка, какую изображаетъ г-жа Чужбинова.

Изъ мужчинъ относительно недурны были: г. Степановъ—Тумазовъ, и г. Смоляковъ—Килевейнъ, но только авторскія остроты, предлагаемыя ихъ устами вниманію публики, убійственно плоски.

Публикѣ пьеса понравилась. Возможность заглянуть въ закулисную сторону газеты и театра—перспектива лакомая! Жаль только, что показанная г. Федоровымъ картина «тайнъ мадридскаго двора» не отличается ни широтой, ни объективностью изображенія. Въѣдъ если центръ интереса пьесы перемѣстится съ ультра романической исторіи г. Тюменева на среду, къ которой она приурочена, то окажется, что среда-то обрисована слишкомъ эскизно, безъ надлежащей выпуклости и типичности.

Отъ г. Федорова приходится переходить къ Гауптману, двѣ пьесы котораго шли на одной недѣлѣ: «Больные люди» (въ бенефисъ г-жи Звѣревой), какъ угодно было окрестить эту пьесу переводчику, и «Одинокіе».

Гауптману удается занять вниманіе публики безъ всякаго разнообразія сценическаго дѣйствія. Въ сущности, что можетъ быть томительнѣе и однообразнѣе названныхъ пьесъ этого автора, если разсматривать ихъ какъ зрѣлища? Словно передъ вами разматываютъ какой-то безконечный клубокъ, который вмѣсто того запутывается все больше и больше, все безнадежнѣе и безнадежнѣе, чтобы, наконецъ, разорваться и этимъ моментомъ внѣшняго дѣйствія показать всю бесполезность предшествовавшей работы...

И удивительная вещь—талантъ!

Три съ половиной часа передъ глазами русской театральной публики, вообще ведущей себя въ театрѣ «неглиже съ отвагой», происходитъ внутренний незанимательный процессъ разложенія нѣмецкой семьи и она сидитъ смиренхонько, внимательно слушаетъ умныя рѣчи и только послѣ паденія занавѣсы встряхивается, какъ-бы удивляясь: я ли это?

Поставлены и разыграны пьесы превосходно, это дѣлаетъ честь и артистамъ, и режиссеру. Сразу чувствуется серьезная вдумчивая работа, а не пресловутое «тяпъ да ляпъ».

Г. Шуваловъ появился въ «Отелло». Я уже писалъ о томъ, что артисту не хватаетъ темперамента, въ Отелло это еще замѣтнѣе. Красивое и обдуманное исполненіе роли утѣшаетъ со стороны артистическаго вкуса и вообще интеллигентности исполнителя, но впечатлѣніе слабѣетъ съ послѣднимъ актомъ. Зритель уходитъ изъ театра, быть можетъ, съ состраданіемъ, но ужъ навѣрное безъ страха, а страхъ признавался законнымъ элементомъ трагедіи еще со временъ Аристотеля.

Ансамбль не особенный, хотя лучше чѣмъ въ «Лирѣ». Г-жа Велизарій—Дездемона неизвинительно плохо ведетъ сцену предсмертной борьбы съ Отелло. Она визжитъ, маплетъ руками, отчего самая сцена приобретаетъ вульгарный оттѣнокъ и у зрителя невольно мелькаетъ мысль: «хоть бы онъ ее поскорѣй прикончилъ»!

Г. Недѣлинъ играетъ Яго. Откровенно говоря, на него грустно было смотрѣть. Яго—Недѣлинъ не столько страдалъ отъ неудовлетвореннаго честолюбія, сколько отъ непосильной борьбы съ не-русскимъ произношеніемъ, которое въ ритмической рѣчи окончательно восторжествовало надъ этимъ талантливымъ артистомъ и лишило его необходимаго самообладанія. Да и вообще эта роль не въ жанрѣ Е. Я. Недѣлина.

Постановка традиціонная, читай: плохая.

Н. Николаевъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ЕКАТЕРИНБУРГЪ. Оперная антреприза Н. А. Корсакова, подвизавшаяся въ театрѣ И. З. Маклецкаго, — «отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть», и въ половинѣ ноября закончила свое печальное существованіе. Антрепренеръ исчезъ, а оперные артисты образовали товарищество, во главѣ котораго сталъ капельмейстеръ А. А. Эйхенвальдъ. Спектакли товарищества начались 3 декабря. За день до этого (1 декабря), въ виду бѣдственнаго положенія опернаго оркестра и хора, былъ данъ въ ихъ пользу, съ участіемъ любителей, музыкально-вокальный вечеръ. Сборъ былъ не великъ. Оперные спектакли также даютъ ничтожные сборы. 8 декабря товарищество поставило совершенно новую для екатеринбуржцевъ оперу Лео Делиба «Лакмэ». Исполненіе и, главнымъ образомъ, обстановка, по общимъ отзывамъ публики, оставляли желать лучшаго. Въ общемъ, оперное товарищество влачитъ довольно жалкое существованіе.

Дѣла антрепренера г. Любова тоже не изъ важныхъ. Въ городскомъ театрѣ сборы совсѣмъ слабы. Народный театръ, цѣны въ которомъ, хотя и далеко не «народны», но все-таки сравнительно не велики, — оказываетъ значительную поддержку. Вообще же замѣчается почти полное равнодушіе публики къ театру. Средняя по состоятельности часть публики, едва-ли только не благодаря дешевизнѣ, посѣщаетъ «народный домъ». Роль Генриха въ «Потонувшемъ колоколѣ», порученная г. Усольцеву-Сибиряку, осталась неразъгранной, такъ какъ г. Усольцевъ неожиданно сбѣжалъ изъ Екатеринбургъ, и спектакль пришлось совершенно отмѣнить. Объ антрепренерѣ можно сказать словами Фамусова: «При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки», — замѣчается сильная тенденція къ радѣнію о «родномъ человѣкѣ». Какъ самъ г. Любовъ, такъ и его супруга (г-жа Токарева) и дочь (г-жа Евгеньева), а одно время и мужъ его сестры (г. Либаковъ-Ильинскій) — «жарили» что называется «во всю», участвуя чуть-ли не въ каждомъ спектаклѣ. Г-жа Токарева и г. Любовъ чувствуютъ большое тяготѣніе къ «универсальности». Г. Любовъ относится довольно беззаботно къ постановкѣ пьесъ. Осипъ въ «Ревизорѣ» облекается просто... въ женскую кацавейку, а чиновники являются «на поклонъ» къ Хлестакову въ однихъ и тѣхъ же затасканныхъ, жалкихъ вицъ-мундирахъ безъ шпагъ, что и въ 1 актѣ... Или то и дѣло военные на сценѣ надѣваютъ какую-то «гусарку». Репертуаръ «Фальшивомонетчика», «Кудесника XVI столѣтія», «Судебной ошибки», «Брата дьявола и сына сатаны» — этого добра довольно много. Въ «народномъ» театрѣ, послѣ нѣсколькихъ представленій въ городскомъ театрѣ, «балетно-концертная труппа Верони-Вестъ, услаждала «народъ» довольно рискованнымъ канканомъ.

8 ноября, въ бенефисъ Л. И. Соколовой, шелъ Мольтеровскій «Тартюфъ». Г-жа Соколова — симпатичная и изящная ingénue comique и «водевильная съ пѣніемъ». Артистка взяла небольшой сборъ, такъ какъ публика у насъ вообще не долюбиваетъ классиковъ, но артистическое самолюбіе бенефициантки было удовлетворено заслуженнымъ успѣхомъ. Роль Тартюфа съ пониманіемъ концепціи провѣлъ г. Войтоволскій, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчалась, однако, неровность. Недурной Оргонъ г. Либаковъ-Ильинскій. Въ «Преступленіи и наказаніи» (передѣлка Дельеръ), поставленномъ и въ городскомъ и въ народномъ театрахъ развернули свои силы г-жа Шейндель и гг. Толскій и Кондратьевъ. Въ исполненіи г-жи Шейндель наша публика увидѣла дѣйствительно подобіе «страданія человѣчества». Г. Толскій, видимо, упорно работалъ надъ ролью Раскольниковъ, но все-таки спѣшность постановки и недостаточность репетицій пьесы не дали артисту возможность изучить эту психологически-сложную и трудную роль. Во второй разъ артистъ игралъ уже увѣреннѣе. Особенно яркое и сильное впечатлѣніе оставляли его сцены съ Соней, а также сцены убійства, встрѣча матери и сестры, и у Порфирія Петровича. Роль послѣдняго игралъ г. Либаковъ; артистъ былъ не достаточно многокъ. Г. Кондратьевъ прекрасно справился съ Мармеладовымъ. Талантливый артистъ, вообще, — г. Кондратьевъ сбѣжалъ изъ этого эпизодическаго въ пьесѣ лица живую и колоритную фигуру. «Казнь» Ге — прошла неудачно въ бенефисъ артистки Р. Н. Потоцкой. Прежде всего, бенефициантка была слабаватой Кетъ, въ черзчуръ «откровенномъ» костюмѣ. Бенефисъ закончился разнообразнымъ дивертисментомъ.

Съ 12 ноября начались «гастроли» лондонской балетно-концертной труппы сестеръ и братьевъ Верони Вестъ и постановка «легоныхъ» «комедійныхъ» вещицъ, вродѣ «Разрушенія Помпеи», «Въ бѣгахъ» и т. п. Поставили и «проваляли» «Свѣдбу Кречинскаго». Въ пьесѣ выдѣлились только г-жа Шейндель (Лидочка), и гг. Кондратьевъ (очень хорошій Расплюевъ) и Либаковъ-Ильинскій (Муромскій). Центральная фигура пьесы — Кречинскій — въ исполненіи г. Надлера совершенно пропала. 17 ноября состоялся бенефисъ театрального

портного (?) и въ то же время артиста г-на Дмитриева-Волынского. Спектакль этотъ долженъ быть занесенъ особо въ лѣтписи нашего городского театра. Шла 5-актная драма «Дочь каторжника» и 5-актная феерія «Братья дьявола». Была выпущена широковъщательная афиша такого содержания, отъ котораго мѣстная публика давнымъ-давно уже отвыкла: тутъ были свалены въ одну кучу и «роковая ночь», и «невинный преступникъ» (слабому Богъ защита), и «привалъ каторжниковъ или 12 лѣтъ страданія подлѣ звонъ цѣпей», и «счастье, ниспосланное Богомъ», и «дочь ссыльнаго, невѣста графа — погасъ и лучъ надежды», и «тайный убійца и беззащитная сирота или открытые слѣды преступленія», и «правосудіе небесъ (спасенъ рукой Всевышняго Творца)», и «страшная ночь, и невѣста колдуна», и «знахарь, ворожеи и бѣгство невѣсты отъ чародѣя или добрый пустынный и волшебный колокольчикъ», «гений Вѣры, Надежды, Любви и навожденіе чертей», «царь ада и балъ у сатаны», «чертоги дьявола, живой чело-вѣкъ въ аду». И что же вы думаете? Вся эта «чертовщина» привлекла полный залъ зрителей... Спектакль производилъ убійственное впечатлѣніе, но сборъ былъ полонъ, quod demonstrandum est!.. Впрочемъ, дальнѣйшія попытки заманивать публику въ театръ оказались менѣе удачными. Постановки затѣмъ сенсационную новинку «Сибирскій Риголетто», откопала «Невинно-осужденнаго» и «Велизарія». Публикѣ народного театра преподнесли «Измаила», постановка котораго, сравнительно съ прошлымъ годомъ, была неизмѣримо ниже. Изъ исполнителей, правда, заслуживаютъ быть отмѣченными г-жи Токарева (Софья Диветъ) и Шейндель (Ольга Верстовская). Дали народу «Медю» съ г-жой Токаревой въ заглавной роли. Артистка недурная Медю. Въ памяти екатеринбургцевъ, однако, жива еще другая — яркая и сильная — Медю — г-жа Пальчикова... Въ этой же пьесѣ дебютировала въ роли Креузы вновь прѣхавшая артистка (дочь г. антрепренера), г-жа Евгеньева. Артистка обладаетъ благодатной сценической внѣшностью и ходульными манерами, безъ школы, съ загадочными или ласкающими улыбками въ сторону публики, съ дѣтски-капризнымъ голосомъ. Г-жа Евгеньева — актриса очень молодая — стала здѣсь первой ingénue comique и ingénue dramatique и, вообще, «первой». Въ роляхъ ingénue comique г-жа Евгеньева можетъ имѣть успѣхъ, но лавры «драматической» ей еще не скоро достанутся.

Въ городскомъ театрѣ поставили «Старую сказку» П. П. Гибдича (хорунжій Рахминовъ — г. Войтоловскій, г-жа Шейндель дала нѣсколько безличную, неопредѣленную Нину Александровну), «Марію Стюартъ», «Дмитрія Самозванца» А. Н. Островскаго, «Разбойниковъ» Шиллера и др. менѣе интересные, а въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не интересные пьесы. Блѣдно и слабо прошли всѣ упомянутыя пьесы. Ни ансамбля, ни обстановки. Въ бенефисъ г. Либакова-Ильинскаго шелъ «Извозчикъ Геншель» Гаутмана. Сборъ былъ небольшой. Вообще, бенефисы нынѣ проходятъ въ большинствѣ безвѣстно и при дурныхъ сборахъ (до 100 руб.).

Въ народномъ театрѣ были поставлены, между прочимъ: «Не все коту масленица», «Свои люди сочтемся» и «Поздняя любовь» А. Н. Островскаго, «Бой бабочекъ» Зудермана (г-жа Шейндель — прекрасная Роза), «Уріэль Акоста» Гюкова и др.

Въ водевиляхъ подвизаются съ успѣхомъ г-жа Соколова и г. Майскій. О первой я уже говорилъ; второй — довольно старателенъ и общается сдѣлаться хорошимъ водевилнымъ простакомъ.

КОЗЛОВЪ. Труппа г. Лепетича ровно, безъ приключеній, протянула полсезона. Труппа эта по качеству и по количеству посредственная, но трудящаяся и дающая нѣкоторый ансамбль. Премьерша труппы г-жа Лепетичъ, несущая довольно разнообразный, нѣрѣдко выходящій изъ ея амплуа репертуаръ. Въ своемъ амплуа г-жа Лепетичъ удовольствительная актриса, реальная и правдивая, но въ комическихъ роляхъ, которыя она играетъ за отсутствіемъ въ труппѣ специальной ingénue comique, впадаетъ въ шаржъ и фортеля. Это, впрочемъ, извинительно когда играешь по необходимости, но, напримѣръ, «Въ тиши ночной» въ дивертисментѣ подъ ролью поется уже по собственному выбору и желанію, безъ всякой необходимости. Мы, конечно, не беремъ въ расчетъ успѣха этого номера въ райкѣ, но отъ души желаемъ г-жѣ Лепетичъ строго и серьезно держаться своего амплуа.

Амплуа ingénue занимаетъ г-жа Гарина. Хорошая четка, умѣные держаться на сценѣ, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Жалко артистка невыгодно для себя гримируется. Г-жа Кудравцева — комическая старуха, а иногда за неимѣніемъ и grande-dame, не смотря на соединеніе различныхъ амплуа всегда очень добротпорядочна. Г-жа Сергѣева играетъ подростковъ, субретокъ, всегда на своемъ мѣстѣ, не диссонируетъ въ ансамблѣ. Г-жи Давыдова, Михайлова, Орлова — вторья и третья роли. Мужской персоналъ. Самъ г. Лепетичъ, по болѣзни, почти не выступалъ. Г. Бредовъ, — герой, любовникъ сначала заинтересовалъ было публику въ салонныхъ пьесахъ, но потомъ ступшевася благодаря своему однообразію.

Г. Митрофановъ «салонный» драматическій резонеръ», какъ

отрекомендовалъ его предварительный анонсъ труппы, уже извѣстенъ Козлову по сезону 97 г. Томскаго. Онъ, очевидно, много работаетъ и не безрезультатно. Мѣшаетъ слабость голосовыхъ средствъ. Г. Коннычъ — комикъ, молодой талантливый актеръ, серьезно работаетъ надъ ролями, почти не шаржируетъ, но не съ установившимся еще репертуаромъ. При добросовѣстной работѣ надъ серьезнымъ репертуаромъ своего амплуа, общается много. Г. Костинъ — комикъ резонеръ, весьма полезный актеръ, играетъ преимущественно водевилныхъ стариковъ, встрѣчающихся, впрочемъ, и въ легкой комедіи и въ фарсѣ. Довольно успѣшно игралъ Юсова. Г. Трофимовъ занимаетъ амплуа второго любовника, но болѣе успѣшно исполняетъ рубашечныхъ парней, старыхъ чиновниковъ и пшотковъ. Г. Ленскій, — вѣроятно, второй любовникъ, хотя успѣшно игралъ и простаковъ, стариковъ какъ драматическихъ, такъ и комическихъ. Полезный, трудолюбивый актеръ. Г. Скуратовъ появился среди сезона, исполняетъ вторья и третья роли, но не портитъ и поручаемыхъ ему иногда отвѣтственныхъ ролей. Гг. Рыбаковъ, Барсовъ и Готовецъ — играютъ все остальное, т. е. вторья и третья роли.

При самомъ открытіи сезона антрепризъ было подано коллективное заявленіе публики о желаніи видѣть въ составѣ труппы, живущую въ большой нуждѣ съ двумя дѣтми въ Козловѣ, артистку г-жу Калашникову, — весьма полезную актрису, но несмотря на недостатокъ персонала, просьба эта не была удовлетворена, и вмѣсто г-жи Калашниковой была приглашена черезъ бюро г-жа Михайлова. Это обстоятельство обострило отношенія части публики къ театру, ибо «каково аукнется, таково и откликнется».

Съ открытія сезона по праздники Рождества прошли слѣдующія пьесы: «Жен. Бѣлугъ», «Майорша», «Темный Боръ», «Втор. молод.», «Чародѣйка», «Хруст. пом.», «Ограв. совѣсть», «Двѣ сиротки», «Царь Борисъ», «Откуда сыръ боръ», «Баба», «Послѣдняя жертва», «Кинъ», «Сыщикъ», «Нюбея», «Геншель», «Невин. осуж.», «Ногай Нечаевъ», «Мертвая сила живетъ», «Девятый валъ», «Власть тьмы», «Грѣхъ попуталъ», «Идіотъ», «Сирота страдалница», «Понѣсись или утопись», «Любовь и предр.», «Охъ ужъ эти нервы», «Въ бѣгахъ», «Лови моментъ», «Заза», «Прежде скончались», «За чужокъ преступленіе», «Мамево нашествіе», «Ревизоръ», «Генеральша Матрена», «Волшебная сказка», «По публикаціи», «Трагическій воевода», «Доходное мѣсто», «Дѣвичій череполохъ», «Горе злосчастья», «Преступл. и Наказ.», «Поездъ № 12», «Не такъ страшны чертъ», «Побѣдителей не судятъ», «Правительница Софья», «Джентльменъ», «Сердце загадка», «Холодная душа», «Страшное дѣло», «Дама отъ Максима». Въ общемъ спектакли эти дали 150 руб. на кругъ. Праздники и масленица увеличатъ эти сборы и безошибочно можно предсказать, что сезонъ дастъ на кругъ 200 руб., что для труппы г. Лепетича нужно считать весьма приличнымъ.

В. Ч.-н.

СТАВРОПОЛЬ. Театръ нашъ дѣлаетъ порядочныя дѣла. Съ ансамблемъ сыграны «Идіотъ» 26 и 28 октября, «Донъ Жуанъ Австрійскій», феерія «Призракъ», въ бенефисъ г. Данилова, декоратора нашей сцены, «Набатъ», для перваго дебюта г-жи Ратмировой и «Дядя Ваня» Чехова. Г. Башкировъ (драматическій любовникъ) пользуется успѣхомъ. Роль князя Мышкина ему очень удалась. Г-жа Ратмирова, приглашенная дирекціей на роли героини, вмѣсто г-жи Глинской, замѣнила послѣднюю къ выгодѣ дѣла.

Д. К.

КАЗАНЬ. Оперные спектакли закончились 30 ноября. Ни проводы оперы, ни встрѣча драмъ не были особенно восторженными. Правда почти всѣ оперные «первыя сюжеты» получили подарки, первачи драмы, наши любимцы-знакомцы по прежнимъ сезонамъ были встрѣчены громкими аплодисментами, но сборы — этотъ показатель отношеній публики къ театру — какъ послѣднихъ оперныхъ спектаклей, такъ и первыхъ драматическихъ, — были слабы. Даже самый послѣдній оперный спектакль и самый первый драматическій не дали полныхъ сборовъ!..

Въ теченіи ноября мѣсяца шли слѣдующія оперы: «Жизнь за Царя», «Русланъ и Людмила», «Пиковая лама» (2 раза), «Опричникъ», «Евгеній Онегинъ» (2 раза), «Мазепа», «Маккавей», «Демонъ», «Рогнеда» (2 раза), «Князь Игорь», «Кавказскій плѣнникъ» (3 раза), «Дубровский», «Снѣгурочка», «Садко» и «Царская невѣста» — изд. русскихъ оперъ и «Риголетто», «Трубадуръ», «Лючия», «Фра-Дьяволо» (2 раза), «Миньонъ» (2 раза), «Фаустъ», «Гамлетъ», «Карменъ», «Эдмундъ» и «Паяцы». — Кромѣ того, шли и отрывки изъ оперъ: такъ 3 ноября, въ бенефисъ Арцымовича, былъ поставленъ 2-й актъ, шла картина изъ оперы «Дубровский», такъ какъ въ немъ бенефициантъ, дѣйствительно, прекраснo поетъ романсъ-молитву «Дай мнѣ забвенье, родная» и 30 ноября, въ прощальный оперный спектакль, шли: 2-й актъ изъ оперы «Князь Игорь», 5-й — изъ оперы «Маккавей», 4-й — изъ оперы «Жизнь за Царя» (сцена у вратъ монастыря) и 3-й — изъ оперы «Фаустъ».

Интересными явленіями послѣдняго опернаго мѣсяца были: постановки впервые на казанской сценѣ оперы «Кавказскій

плѣнникъ» П. А. Кюи. — Опера прошла три раза и имѣла довольно солидный успѣхъ у публики, хотя мѣстная пресса и не совсѣмъ пріятливо отнеслась къ этому произведенію; затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить: возобновленіе оперы А. Н. Сѣрова «Рогнеда», прошедшую при особой обстановкѣ въ бенефисы—режиссера оперы Я. В. Гельротъ (9-го ноября) и представительницы товарищества Бородай въ Казани—А. Ф. Бородай (22 ноября). Въ этой оперѣ участвовала буквально вся оперная труппа—и даже въ хорѣ пѣли «первыя сюжетныя» и принимала участіе хоръ «любителей». Такъ опера была обставлена именно благодаря тому, что она шла въ бенефисы представителей опернаго товарищества, при чемъ Я. В. Гельротъ праздновалъ ею 20-ти лѣтіе своего служенія оперной сценѣ, — а г-жа Бородай—обычный свой бенефисъ, но бенефисъ этотъ ей необходимо было обставить съ особымъ блескомъ потому, что ей пришлось конкурировать съ первымъ концертсмъ въ Казани знаменитаго пианиста Іосифа Гофмана (о чемъ ниже).

Кстати: въ бенефисъ режиссера «Казанское общество любителей изящныхъ искусствъ» пріивѣтствовало его служеніе оперѣ особымъ адресомъ, прочитаннымъ на сценѣ и чѣмъ-же оперное товарищество отвѣтило на эту любезность Общества? А вотъ чѣмъ и какъ: «Общество», кстати сказать, въ этотъ сезонъ проявляющее особую дѣятельность, — обратилось съ запросомъ къ представительницѣ товарищества г-жѣ Бородай—разрѣшить-ли она гг. артистамъ участвовать въ вечерахъ Общества, хотя бы *безъ афишъ*, т. е. чтобы объ ихъ участіи не публиковалось, дабы не подорвать сборы театра? На это получилось любезное согласіе. Послѣ этого Общество обратилось и къ самимъ артистамъ, прося ихъ принять участіе въ вечерѣ 12 ноября. И вотъ г-жи Картавина, Куза, Леонидова и Шау и гг. Арцымовичъ, Еркинъ, Комаровскій и Южинъ и др. изъяснили свое согласіе пѣть на вечерѣ. Къ слову сказать—всѣ артисты товарищества съ самаго начала сезона получили почетныя билеты на посѣщеніе (безплатное, разумеется) всѣхъ вечеровъ и спектаклей Общества.

И что же?.. Да то, что на вечерѣ пріѣхали только г-жи Шау и Картавина и обѣ заявили, что г-жа Бородай сказала имъ, что ей «было бы непріятно, если бы они пѣли въ Обществѣ!..» Въ концѣ концовъ, г-жа Шау была такъ любезна, что пропѣла нѣсколько романсовъ, а г-жа Картавина не рѣшилась пѣть...

Отмѣтимъ и постановку, впервые въ Казани, оперы «Эдмея» Каталани и возобновленіе оперы «Мазепа» Чайковского. Къ сожалѣнію—эти «новики» были поставлены въ самомъ концѣ сезона и потому прошли всего по одному разу. Равно и опера «Снѣгурочка» Римскаго-Корсакова была, почему-то, дана всего одинъ разъ, въ предпоследній спектакль.

Переходя къ итогам опернаго сезона 1900 года, отмѣтимъ прежде всего, что сезонъ этотъ продолжался менѣе 3 мѣсяцевъ, а именно съ 10 сентября по 1 декабря, т. е. 81 день; дано было за это время 11 утреннихъ и 76 вечернихъ, а всего 87 спектаклей.

И на этотъ разъ, какъ въ прошлый сезонъ, «товарищество», надававъ обѣщаній постановки новыхъ оперъ и возобновленіе давно не шедшихъ,—своихъ обѣщаній не выполнило... Такъ мы и не услышали анонсированныхъ имъ оперъ: «Бахчисарайскій фонтанъ», «Филимонъ и Бавкида», «Гензель и Гретель», «Сказки Гофмана» и «Севильскій Цирюльникъ». О г-жѣ Картавиной мы уже говорили («Т. и И.» № 48, 1900 г.), остается отмѣтить, изъ вновь ангажированныхъ, артистку г-жу Инсарову. Выступила она здѣсь въ партіи Татьяны и, надо правду сказать,—не удачно. Затѣмъ она пѣла партіи: Лизы, въ «Пиковой Дамѣ», Маріи въ «Мазепѣ» и въ одномъ (3) актѣ Маргариту въ «Фаустѣ».

Особенно сильное впечатлѣніе она произвела въ послѣдней партіи. Голосъ г-жи Инсаровой сильный, свѣжій, звучитъ съ одинаковой ровностью, но онъ мало подвиженъ, не гибокъ. Игра же страстная, увлекательная, — что особенно чаруетъ, тѣмъ болѣе, что артистка обладаетъ сценическою наружностью.

Отмѣтимъ, что въ этомъ сезонѣ впервые данъ былъ бенефисъ второму тенору нашей оперы г. Вольскому, лѣтъ 12 повшему въ оперѣ.

За весь сезонъ только одинъ разъ не состоялся спектакль — 4 ноября — за болѣзнію публики, т. е. за отсутствіемъ сбора...

Три концерта Іосифа Гофмана, 22, 24 и 25 ноября, въ залѣ Дворянскаго Собранія, дали почти 3,000 р. сбору.

Н. О. Юшковъ.

РЯЗАНЬ. Изъ состава нашей труппы на-дняхъ вышла г-жа Строганова, имѣвшая успѣхъ въ началѣ сезона. Мы не знаемъ истинной причины, заставившей г-жу Строганову покинуть труппу г-жи Малиновской въ самое горячее время, передъ праздниками, но хочется думать, что и публика тутъ виновата. Последнее время репертуаръ крайне неблагоприятно сложился для артистки. Она ничего интереснаго не играла, кромѣ

аксессуарныхъ ролей, какъ герцогини («Блестящая карьера»), баронессы («Соломенная шляпка»). Но все же г-жа Строганова не заслуживала того холоднаго отношенія, которое выпало на долю артистки въ послѣднее время. Боимся утверждать, но кажется, именно это обстоятельство заставило артистку покинуть Рязань. Удастся-ли г-жѣ Малиновской замѣнить г-жу Строганову—покажетъ будущее.

3-го декабря у насъ начались гастроли артиста г. Орленева. Онъ выступилъ въ слѣдующихъ пьесахъ: «Карамазовы», «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ», «Преступленіе и наказаніе». Неизгладимое впечатлѣніе гастролеръ оставилъ въ роли Царя Ѳеодора, которую онъ художественно играетъ. Наши артисты также не ударили лицомъ въ грязь и «Царь Ѳеодоръ» прошелъ у насъ блестяще, оставивъ глубокое впечатлѣніе на публику, несмотря на то, что многіе артисты играли въ этой пьесѣ въ 1-й разъ. Большой успѣхъ имѣли г-жа Строганова (Ирина), гг. Кривцовъ (Годуновъ), Семеновъ-Самарскій (Шуйскій Иванъ Петровичъ), Бѣлиновичъ (Клементинъ) и Вѣринъ (Кн. Шаховской). Народныя сцены прошли великолѣпно, что дѣлаетъ честь режиссеру Шувалову.

12-го декабря пріѣзжалъ къ намъ Ѳ. П. Горевъ и выступилъ въ «Опольевѣ» (Старый баринъ). Рязанцы очень тепло приняли талантливаго артиста, хотя игралъ онъ не ровно. Въ антрактахъ слышно было о болѣзни глазъ у Горева и дѣйствительно, по газетамъ вскорѣ мы узнали о глазной операци, которой подвергся артистъ чуть-ли не на другой день послѣ названнаго спектакля... Затѣмъ 15-го декабря состоялся бенефисъ одного изъ симпатичныхъ артистовъ нашей труппы, г-на Семенова-Самарскаго, пользующагося любовью мѣстной публики. Бенефициантъ съ большимъ успѣхомъ выступилъ въ роли Годда («Казнь»). У артиста оказался очень сильный голосъ, ибо куплеты Торреадора (въ 1-мъ актѣ) онъ исполнилъ мастерски. Публики, однако, было сравнительно мало, что объясняется, во-первыхъ, нашествіемъ гастролеровъ, а во-вторыхъ, неудачнымъ выборомъ пьесы. «Казнь» и въ прошломъ году шла нѣсколько разъ, а рязанцы падали до новинки даже въ бенефисы любимыхъ артистовъ. Къ тому же и время предпраздничное, когда обыватель думаетъ о гусяхъ и о поросенкѣ, но не о театрѣ...

14-го декабря была поставлена «Свадьба Кречинскаго». Только г. Семеновъ-Самарскій (Кречинскій) и г. Бѣлиновичъ (Расплюевъ) съ должнымъ вниманіемъ и уваженіемъ относились къ пьесѣ. Первый очень эффектный Кречинскій, а второй типичный Расплюевъ, которую проводить безъ малѣйшей утрировки. Зато остальные были изъ рукъ вонъ плохи. Г-жа Прокофьева была невозможная Атуева, г-жа Аргутинская роли не знала, даже г. Кривцовъ совершенно обезцвѣтилъ симпатичную роль Нелькена. Г-ну Херувимову положительно нельзя поручать такіа отвѣтственные роли, какъ Муромскій. Г. Вѣринъ молодъ для Ѳеодора. Типичный Щербневъ г. Шуваловъ.

ВОЛОГА. Вслѣдствіе какихъ-то непонятныхъ для публики причинъ все преимущество антреприза отдаетъ каскадной пѣвицѣ, г. Луганцевой, въ ущербъ прочимъ артистамъ и даже ей самой. Г-жа Луганцева выступаетъ въ чисто лирическихъ партіяхъ: Нади—въ «Аскольдовой могилѣ», Китеванны—въ «Хаджи-Муратѣ» и Гальки — въ оперѣ «Галька». Между тѣмъ, на лирическія партіи приглашена въ труппу спеціально лирическая пѣвица, Джури. Эту послѣднюю, однако, отмѣтила публика и по немногимъ ролямъ. Въ опереткѣ «Сердце и рука», шедшей въ бенефисъ Джури 14 ноября, публика выразила свои симпатіи поднесеніемъ сочувственнаго адреса, корзины съ цвѣтами и цѣннаго подарка. Голосъ Джури, не сильный, но мелодиченъ и пріятенъ и, видимо, обработанъ. Г-жа Луганцева, напротивъ, обладаетъ большимъ голосомъ, но доходитъ иногда до полнаго диссонанса и совершенно расходится съ оркестромъ. Изъ мужскаго персонала можно отмѣтитъ опереточныхъ пѣвцовъ: Ліанова и Шостакаго; первый—теноръ, а второй — баритонъ; оба артиста хотя и не первой молодости, но опытные и умѣлые. Г. Судьбининъ, желая поправить къ празднику дѣла антрепризы, пригласилъ въ Вологду на нѣсколько гастролей г. Орленева. Гастролеръ за время своего пребыванія у насъ поставилъ: «Преступленіе и наказаніе» и «Братья Карамазовы». Гастроли г. Орленева прошли съ большимъ успѣхомъ при достаточно полныхъ сборахъ. Бенефисъ, въ который шли «Безъ вины виноватые», сопровождался оваціями, адресами и пр. Въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» произошелъ нѣкоторый инцидентъ. Во время монолога г. Орленева, многіе изъ публики, страдающіе, по состоянію погоды, разными бронхитами и катарамъ горла, стали кашлять. Г. Орленевъ обидѣлся и приказалъ опустить занавѣсъ! Не смотря на такую развязность, публика въ послѣдующіе акты отнеслась къ нему совершенно безстрастно и хлопала. Она у насъ добрая публика. Изъ труппы не мѣшаетъ отмѣтить гг.: Пономарева, Холмина, антрепренера Судьбинина и Горшенкову. Пономаревъ и Холминъ на амплу драматическихъ героевъ, Судьбининъ, какъ опереточныхъ, такъ и драматическихъ комиковъ, а Горшенкова, чего-то нѣчто средняго, между тѣмъ и другимъ. Г. Судьбининъ недуренъ на амплу коми-

ковъ, если бы не утрировалъ, и не игралъ-бы ролей, ему совершенно несвойственныхъ. Такъ онъ выступилъ въ роли Мармеладова въ «Преступленіи и наказаніи» и превратилъ монологъ въ балаганъ. Носятся смутные слухи, что своевременно не выдается жалованья, что, будто-бы, антрепренеръ требуемаго закономъ залога не представилъ, администрація-же, въ сношеніи антрепренеру, ограничилась удержаніемъ извѣстнаго процента изъ перспективныхъ сборовъ, каковой за весь сезонъ не превышаетъ 500 руб. Считаю необходимымъ сказать слово правды въ защиту артистовъ, какъ человѣкъ лично не заинтересованный, ни антрепризой, ни самими артистами.

Одинъ изъ публики.

ИРКУТСКЪ. Иркутскій городской театръ, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, остался еще на три года въ рукахъ г-на Кравченко. Въ прошлые годы въ Иркутскѣ были обыкновенно и опера, и драма, но теперь антрепренеръ не внялъ мольбамъ любителей драмы и пригласилъ одну оперу. И какую оперу! Изъ цѣлой «уйма» пѣвицъ и пѣвцовъ, только очень незначительное число обладаетъ дѣйствительно хорошимъ голосомъ. Остальные же, съ грѣхомъ пополамъ, тянутъ свои партіи.

Укажу г-жу Антонову (колоратурное сопрано), г-жу Веселовскую (драматическое сопрано), г-жу Лидину (меццо-сопрано), г. Образцова, обладающаго не сильнымъ, но пріятнымъ баритономъ, которымъ артистъ мастерски владѣетъ, затѣмъ г-на Амирджана (баритонъ), игра этого артиста нравится мнѣ больше, чѣмъ его голосъ; г. Ошустовича (теноръ) и, пожалуй, г. Костаньяно (тоже теноръ).

Что касается другихъ артистовъ нашей многочисленной труппы, то, по справедливому отзыву рецензента мѣстной газеты, у однихъ не хватаетъ только (!) одного голоса, какъ, напримѣръ у г. Измайлова (имѣетъ претензію на басъ), у другихъ же не хватаетъ только (!) одной игры. Примѣромъ вторыхъ можетъ служить г. Дель-Ферро (теноръ), всѣ жесты этого артиста заключаются въ томъ, что онъ прикладываетъ руки къ сердцу. Оперы идутъ у насъ слышанныя, пересышанныя. Изъ оперъ шли у насъ: «Фаустъ», «Демонъ», «Самсонъ и Далила», «Русалка», «Галька», «Гугеноты», «Миньона», «Жидовка», «Африканка», «Пиковая дама», «Евгеній Онѣгинъ». Изъ новыхъ оперъ назову «Рогнеду», «Князя Игоря», и «Пророка» Мейербергера. Но довольно объ оперѣ. Поговоримъ о другомъ. Недавно у насъ состоялся концертъ при участіи всѣхъ оперныхъ артистовъ. Концертъ посвящался памяти великаго Мочалова и сборъ съ него, какъ сообщали афиши, предназначался *цѣликомъ* для отправки въ Русское Театральное Общество. Прошелъ концертъ. Сборъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ полный. Черезъ нѣкоторое время какой-то «безпокойный человѣкъ» на страницахъ мѣстной газеты жалуется, что въ Театральное общество послано только триста съ небольшимъ рублей. Еще нѣсколько словъ объ иркутскихъ любителяхъ. Любителей у насъ столько, что не приведи Богъ, хоть заборы любителями городи. Во-первыхъ, есть въ Иркутскѣ Драмматическій Кружокъ, нашедшій себѣ осѣдлость въ клубѣ приказчиковъ. Во главѣ кружка стоитъ очень свѣдущій режиссеръ и талантливый комикъ г. Соловьевъ. Кружокъ устраиваетъ, такъ называемыя, «субботки». Кромѣ драмматическаго кружка, процвѣтаетъ тутъ еще «Общество любителей музыки и литературы», или такъ называемая, «Музыкалка».

Музыкалка устраиваетъ уже не субботки, а субботы. На этихъ субботкахъ отводится почетное мѣсто легкому водевилю. На-дняхъ огромный афиши съ аршинными буквами возвѣстили, что любители музыки и литературы ставятъ на сценѣ Общественнаго Собранія комедію Островскаго «Лѣсъ». Исполненіе было довольно курьезное. Лучше другихъ была ключница (г-жа Шванъ), въ ея игрѣ чувствовалась неподдѣльный комизмъ. Декораціи лѣса въ 3-мъ дѣйствіи изображали нѣчто вродѣ австрійскаго лѣса. «Незамѣтный дѣятель сцены», какъ принято его называть, суфлеръ, былъ очень замѣтенъ.

Г. Г.

КОСТРОМА. Съ 17 ноября въ нашемъ театрѣ начались гастроли П. Н. Орленева. Первая гастроль, понятно, «Царь Едурло». Скажу, что въ первомъ спектаклѣ Орленевъ былъ слабѣе, чѣмъ въ послѣдующихъ. Роль Ивана Петровича Шуйскаго игралъ Абрамовъ и она въ его исполненіи, хотя и имѣла недочеты, но все-таки получила яркій обликъ. Слабыми мѣстами я считаю сцену въ саду и сцену перваго акта: объясненіе съ Шаховскимъ. Г-нъ Сокольскій, исполнявшій роль Шаховскаго, неистово кричалъ. Изъ другихъ отмѣчу Савельева—весьма удачнаго Курькова, Царица Ирина—Назимова—была въ мѣстахъ спокойныхъ вполне удовлетворительна, но такія мѣста, какъ заключительная сцена седьмой картины положительно ей не удавались. Остановка была вполне удовлетворительна. Нельзя не поблагодарить г. Бѣльскаго за приглашеніе Орленева. Вообще г. Бѣльскій ведетъ дѣло толково и въ порядкѣ. 4 гастролью Орленева шла пьеса П. Боборыкина «Возмездіе». И что это за пьеса? Нѣтъ ни героя, нѣтъ ни одного живого человѣка. Для Орленева есть двѣ чудныхъ сцены, которыя онъ ведетъ прекрасно.

Вячеславъ — скій.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

Сочиненій, безусловно дозволенныхъ къ представленію.

- 15) Одиннадцатая казнь египетская (Жрецы Аполлона). Шутка въ одномъ дѣйствіи О. В. Рутковскаго. Каменецъ-Подольскъ. 1900 года.
- 16) Опечатка. Пустычекъ въ одномъ актѣ, въ стихахъ. Сочиненіе Solo. Москва. 1900 года.
- 17) Переводчикъ. Шутка въ одномъ дѣйствіи Т. Бернара. Переводъ Рубенса Чинарова. Москва. 1900 года.
- 18) Письмо изъ столицы. Провинціальныя сцены въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе И. И. Мясническаго. Москва. 1900 года.
- 19) По примѣру предковъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ К. П. Ларина. Москва. 1900 года.
- 20) Прелестная Китти. Шутка въ одномъ дѣйствіи О. В. Рутковскаго. Каменецъ-Подольскъ. 1900 года.
- 21) Просвѣтлѣніе. (Mademoiselle Morasset). Пьеса въ четырехъ актахъ. Сочиненіе Л. Лежандра. Переводъ С. Г. Дулышкина и Д. И. Борейша. Москва. 1900 года.
- 22) Реакція (Химическое соединеніе). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ К. П. Ларина (Заимствовано). Москва. 1900 года.
- 23) Середъ бури. Драма на пять дѣй В. Гринченко. (По печатному изданію («Хвѣля за хвѣлю»). Черниговъ. 1900 г.

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимовеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Я употребляю

НА ПОМОЩЬ ВОЛОСАМЪ!

Элеопатъ провизора КИНУНЕНА.

Рекомендуется какъ средство для волосъ, способствующее быстрому росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.

Элеопатъ пр. Кинунена находится въ продажѣ 23 года и ежегодно расходится **десятками тысячъ флаконовъ**, что доказываетъ его несомнѣнную пользу волосамъ. Элеопатъ пр. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 р. 50 к., 2 флакона высылаются почтою въ Европейскую Россію за 4 рубля.

Главный складъ: Разѣзжая ул., № 13.

Адресъ для писемъ: «Складъ элеопата Кинуненъ». № 3322.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу новая комедія въ 4 д.

„ЗА РАМПОЙ“

(„ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ“). В. Ч—на.

Выписывать можно отъ автора. г. Козловъ. В. П. Чиликину.

Ц. 60 к.

Съ пересылкой наложеннымъ платежомъ.

КОМЕДИИ И ФАРСЫ

А. Ф. КРЮКОВСКАГО,

Кокоша и Тотоса. — Денежные тузы. — Ритта. — Сынъ на прокатъ. — Передъ завтракомъ. — Хлестаковъ на водахъ. — Замороженная теща. (Нѣ представленію дозволены безусловно).

Цѣна 3 рубля.

№ 4711

Рейнская Фиалка

Поставщикъ Двора
Его Императорскаго Величества
ФЕРА-МЮЛЬГЕНСЗ

Жолокольная № 4711 въ Кельнѣ на Рейнѣ и Ригѣ

Дѣйствительный Свѣжій Запахъ ФІАЛКИ.
БЕЗЪ ПРИМѢСЕЙ (МУСКУСА, ПАЧУЛИ и проч.)

Модный Парфюмъ Великосвѣтскихъ круговъ.
Продается во всѣхъ лучшихъ магазинахъ.

№ 3325 12-5.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДѢ
для смягченіе КОЖИ
ЛИЦА И РУКЪ

КРЕМЪ АЛЬДЕХИДЪ ВЛАДІО

МАЛ. ФЛ. 60 К. БОЛ. ФЛ. 1 Р.

главный
складъ В. КРЕМЕРЪ

МОСКВА НИКОЛЬСКАЯ,
Д. БР. ЧИЖОВЫХЪ.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ ГОЛЛЕНДЕРА

для уничтоженія мозолей и

Самыя застарѣлыя мозоли быстро излѣчиваются при употребленіи мозольной жидкости „ГОЛЛЕНДЕРА“, безъ малѣйшей боли. Цѣна флакона 35 коп. за 1 рубль почтою высылаютъ въ Европейскую Россію 2 флакона.

Главный складъ лабораторія Г. Голлендеръ, С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13.
Просимъ не смѣшивать съ другими жидкостями, ничего общаго съ нашими неизмѣняющимися.

№ 3322 30-12

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ

СДАЕТСЯ ВЪ АРЕНДУ

СЪ 1-го ІЮНЯ 1901 г.

За подробными условіями обращаться въ Екатеринбургскую
Городскую Управу.

№ 3328.

800

названій траг., др., ком., вод., фарс.
и опер. продаю за 200 рублей Г. Ма-
риуполь, Екатер. г. И. Л. Шаповаловъ.
Списокъ пьесъ высылаю за три се-
микопѣчныхъ марки.

№ 3340.

ВОРОНЕЖСКИЙ

ЗИМНІЙ ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ

свободенъ на постъ и Святую до
1-го Мая. Сдается съ полнымъ ве-
черовымъ расходомъ за умѣренную
плату. Обращаться: театрѣ антрепре-
неру А. А. Линтвареву.

№ 3339.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 годъ

САРАТОВСКИЙ ДНЕВНИКЪ

выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ-
праздничныхъ, въ форматѣ большихъ сто-
личныхъ газетъ.

Сохраняя прежнюю программу, редак-
ція „Саратовскаго Дневника“ будетъ про-
должать начатое ею въ послѣдніе годы рас-
ширеніе изданія. Наши постоянные чита-
тели могли уже замѣтить, какое значи-
тельное расширеніе дано въ этомъ году
отдѣлу „Областной хроники“, т. е. описа-
ніямъ общественной жизни деревни и уѣздовъ
Саратовскаго края.

Условія подписки: Для городскихъ под-
писчиковъ съ доставкой на домъ въ г. Са-
ратовѣ и слоб. Покровской. На годъ—6 р.,
на 6 м.—3 р. 50 к., на 3 м.—2 р., на 1 м.—75 к.
Для иногородн. съ перес. На годъ—7 р., на
6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 50 к., на 1 м.—1 р.

При годовой подпискѣ допускается раз-
срочка платежа. Для городскихъ: при под-
пискѣ—2 р. 1 марта—2 р., 1 мая—2 р. Для
иногородн.: при подпискѣ—3 р. 1 марта—2 р.,
1 мая—2 р. Новые годовые подписчики по-
лучаютъ газету бесплатно въ теченіе двухъ
послѣднихъ мѣсяцевъ этого года. Время съ
ноября 1900 г. до 1 января 1901 г. зачи-
тывается въ подписной срокъ безъ надбавки
подписной платы. Вносъ годовой платы въ
разсрочку не исключаетъ этой льготы.

НОВАЯ КНИГА

„ВЕСЕЛЫЕ ВЕЧЕРА“.

Сам. полный сборн. остроумныхъ куплетовъ.
Репертуаръ популярныхъ куплетистовъ: Арбенина,
Влюменталь-Тамарина, Брянскаго, Бураковского,
Каменскаго, Леонидова-Гуляева, Пальма, Шевчен-
ко и др. Съ портрет. исполнителей подъ редакціей

М. В. Лентовскаго и С. А. Пальма.

Ц. 1 рубль.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Театръ
и Искусство“.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Желающіе выписать наши изда-
нія, благоволятъ обращаться непо-
средственно въ контору, во избѣжа-
ніе задержки въ доставкѣ.

Отдѣльные оттиски пьесы

„ПОТЕМКИ ДУШИ“.

(Исторія болѣзни Пытцова), Ц. 2 рубля
(Пьеса удостоена преміи Литературно-Ху-
дожественнаго Общества).

„РАБЫНИ ВЕСЕЛЬЯ“.

В. Протопопова, ц. 2 р. Ценз. экз. 5 руб.

„ФЛОРИЯ ТОСКА“

изв. др. В. САРДУ.

Репертуаръ Сары Бернаръ.

Переводъ О. Н. Латернера, Литографи-
рованное изданіе журнала „Театръ и
Искусство“. Цѣна 2 рубля.

„БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ“.

Драматическія сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ
и 8-ми картинахъ (по роману Ф. М. До-
стоевского)

К. ДМИТРИЕВА.

Цѣна 2 руб.

Изданіе редакціи журнала „Театръ
и Искусство“.

3 выпуска словаря Сценическихъ
дѣятелей (А. В. В.) 1 р. 50 коп.
Высылаются наложеннымъ платежемъ.

„ТЕАТРЪ ПЕТЕРБУРГСКІЙ“

(бывшій Неметти, Офицерская ул., № 39).

Дирекція Е. А. Шабельской.

РЕПЕРТУАРЪ. Съ 1-го Января по 8-е Января 1901 г.

Понедѣльникъ, 1-го Января: „Крещеніе Литвы“, историч. драма въ 5 дѣйств. и 6 карт., соч. А. А. Навроцкаго. Вторникъ, 2-го Января: „Рабыни веселья“, ком. въ 4 дѣйств., соч. В. Протопопова. Среда, 3-го Января: Бенефисъ В. М. ЯНОВА, „Любови граница“, драма въ 5 дѣйств., соч. Гальма. Четвергъ, 4-го Января: „Рабыни веселья“, ком. въ 4 дѣйств. В. Протопопова. Суббота, 6-го Января: „Любови граница“, др. въ 5 дѣйств. соч. Гальма. Воскресенье, 7-го Января: „Рабыни веселья“, ком. въ 4 дѣйств. В. Протопопова. Касса открыта въ воскресенье 31-го Декабря съ 11 час. утра до 4 час. вечера, въ Понедѣльникъ 1-го Янв. съ 12 час. утра до 6 час. вечера.

Театръ „ФАРСЪ“

(бывш. Панаевскій, у Дворцоваго моста).

Дирекція А. М. Горинъ-Горайновъ и В. А. Казанскій.

Съ 1-го Января по 8-е Января 1901 г.

Въ Понедѣльникъ, 1-го Января 1901 г.: 1) Армія опасенія; 2) Ночь г-жи Монтесось. Во Вторникъ, 2-го: Новое обозрѣніе Петербурга; 2) Школьная пара. Въ Среда, 3-го: 1) Изумительныя превращенія; 2) Ночь серебряной свадьбы. Въ Четвергъ, 4-го: 1) Новое обозрѣніе Петербурга; 2) Между двухъ мужей. Въ Субботу, 6-го: 1) Господинъ отъ Макоима; 2) М-ме Корали и К^о. Въ Воскресенье, 7-го: 1) Новое обозрѣніе Петербурга; 2) Деньщикъ подвель.

ТЕАТРЪ БЫВШІЙ КОНОНОВА

Французская оперетта.

Дирекція В. А. Неметти.

Мойка, 61.

Ежедневныя представленія.

СОСТАВЪ ТРУППЫ:

Въ 1-й разъ въ С.-Петербургѣ на гастроли приглашена: примадонна-этуаль: Г-жа В. КОСИТЬ. Премьеры: Гг. РЕНЬЯРЪ, ДЕНКАНЪ, СЕМПРЕЙ. Артисты труппы: г-жи Огюста Пуже, Е. Стэмми, К. Флери-Пилляръ, Вертей, Аотрюкъ, Лиля Пенсонъ, Жанна Ламбергъ, Модъ Дюрфе, Десмей, Лици, Люсиенна Оттъ-Жеанинъ, Сюсання Несль и др. Гг. Пудріе, Монклеръ, Лари, Пакэнъ, Фоль, Резенъ, Вланъ, Пратъ, Куртуа, Бойеръ, Дюваль, Фонтенъ и др.

Гастроли артистки Парижскаго театра de la Gaité

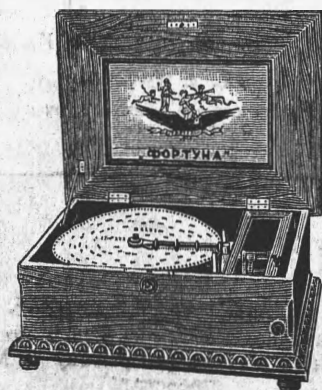
Г-ЖИ КОСИТЬ

Прекрасная Елена, Маскотта, Птички пѣвчія.

Ежедневныя представленія.

Гл. режиссеръ Г. Монклеръ.

Гл. Капельмейстеръ Э. Ф. Энгель.

Музыкальныя шкатулки

ФОРТУНА.

Звучный, пріятный тонъ.
Прочная конструкція.
Изящная отдѣлка.

Съ ручкой 6 р. Ноты по 25 к.
Заводныя въ 12, 18, 30, 50, 75,
100, 125, 150, 175, 200,
225, 250, 300 руб. и дор.
Ноты къ нимъ по 25, 30, 50, 90 коп., 1,
1½, 2, 3 руб. и дороже.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, В. Морская, 34. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.
№ 2311 18—52.

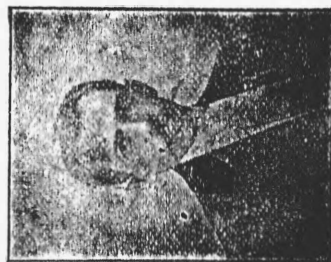
ПОЗНАТЬ САМОГО СЕБЯ

Извѣстный психо-графологъ И. Ф. Моргенстернъ прибылъ въ С.-Петербургъ и остановился по Малой Итальянской ул., въ д. № 7, кв. 9.

ДѢЛАЕТЪ АНАЛИЗЫ ПО ПОЧЕРКУ.

Принимаетъ желающихъ распознать себя, свое призваніе, свои силы и опредѣляетъ темпераментъ, мировоззрѣніе, способности, наклонности и вообще весь нравственный строй человѣка. Желавшіе могутъ послать почерки по почтѣ съ приложеніемъ платы. Ответы даются черезъ три дня. Пріемъ отъ часу дня до 6 часовъ вечера. Приглашенія же на домъ принимаются только вечеромъ по соглашенію.

№ 2288. 52—2.

КАРАМЕЛЬ

изъ грудныхъ травъ

ОТЪ КАШЛЯ и отдѣленія МОКРОТЫ

„КЕТТИ БОССЪ“

В. Семадени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЬ, С.-Петербургъ, Гороховая 33.
Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

3321 13—7

1-я награда. Ревель 1900 г.

ВЫСШАЯ НАГРАДА

за превосходно сдѣланные и недорого стоящіе парики и бороды для театровъ.

ПАТЕНТЪ ЗАЯВЛЕНЪ за № 11806.

РЕКОМЕНДУЮ:

Парики	изъ ангорской шерсти отъ . . . 1 р. — к. за пт
„	изъ волосъ . . . 2 „ — „ „
Бороды	изъ ангорской шерсти отъ . . . 40 „ „
„	изъ волосъ отъ 1 „ 25 „ „
Тульи	для театраль-ныхъ париковъ собственнаго изобрѣтенія отъ . . . 1 „ — „ „
Шерсть	для бородъ всѣхъ цвѣтовъ отъ . . . 4 „ — „ „
Английскій	шерстяной креплъ отъ 6 „ — „ „

Ө. КРЕНТЦИНЪ.

Рига, Каменная улица, № 13.

Иллюстрированныя прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

№ 3327. 3—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ всѣхъ видовъ спорта

„СПОРТЪ“

Годъ изданія II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб. Пробный №—7 коп. марка. Городекіе подписываются въ конторѣ редакціи: Симеоновск., 3, типогр. Зархи. С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 36.

Редакторъ-Издатель А. П. Натель.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 годъ

на ежедневную морскую, общественную и литературную газету

„КОТЛИНЪ“

выдающуюся въ Кронштадтѣ. (VI годъ изданія).

„Котлинъ“ единственная въ Россіи морская ежедневная газета. Газета „Котлинъ“ живъ-длинъ въ день слѣдитъ за быстро развивающимися морскимъ дѣломъ, торговымъ судоходствомъ по морямъ и рѣкамъ, освѣщая ихъ нужды и содѣйствуя разрѣшенію назрѣвшихъ вопросовъ. Въ то же время газета отдѣляетъ должное мѣсто и общественнымъ интересамъ Россіи и ея. полнымъ вниманіемъ отмѣчаетъ жизнь и нужды Кронштадта, какъ города, и его ближайшихъ окрестностей: Ораниенбаума, Петергофа и Сестрорѣцка. Въ газетѣ сотрудничаютъ нѣкоторые ученые и специалисты по всѣмъ отраслямъ морского дѣла. Въ теченіе года помѣщаются отчеты о всѣхъ авсѣданіяхъ Кронштадтскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и до 600 разныхъ статей научно-техническаго содержанія. Кромѣ сообщенія отъ специальныхъ корреспондентовъ, „Котлинъ“ извѣстъ корреспонденціями изъ нѣкихъ приморскихъ городовъ Россіи, изъ портовъ Тихаго океана, изъ Средиземнаго моря и Греціи и изъ нѣкоторыхъ столичныхъ и промышленныхъ городовъ Западной Европы и Америки. Газета освѣдомлена о дѣятельности многотысячного протоіерей о. Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадтскаго), который и самъ сотрудничаетъ въ „Котлинѣ“ помѣщеніемъ въ немъ проповѣдей и поученій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ перес. многогород. на годъ—7 р. 50 к., полгода—4 р., 3 м.—2 р. 25 к., 1 м.—85 к.; за границу: на годъ—12 р., полгода—6 р. 50 к., 3 м.—4 р., 1 м.—2 р. Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: многогород. съ пересыл. при подпискѣ—3 р., мартъ—2 р. 50 к., июль—2 р. Подписка принимается: въ Кронштадтѣ, въ конторѣ газеты (Господская ул., д. Кредитнаго Общества); въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ объявленій Метцль и К° (В. Морская, № 11) и во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ, въ конторѣ Метцль и К°.

Редакторъ-издатель полков. Е. П. Тверитиновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 г.

на большую ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

„БЕССАРАБЕЦЪ“

издаваемую въ г. Кишиневѣ. (V-й годъ изданія).

„Бессарабецъ“ выходитъ ежедневно (около 340 номеровъ въ годъ и 52 номера литературныхъ приложений). Въ „Бессарабцѣ“, кромѣ мѣстныхъ литературныхъ силъ, принимаютъ постоянное участіе выдающиеся литературныя силы лучшихъ органовъ столичной печати. Заграничная жизнь широко отражается на страницахъ газеты въ рядѣ писемъ и фельетоновъ заграничныхъ корреспондентовъ „Бессарабца“. Еженедѣльные литературныя приложения „Бессарабца“ составляютъ два тома формата большихъ журналовъ (или около 1000 страницъ убористой печати) и позволяютъ сохранить обширный и интересный для чтенія матеріалъ, который, при печатаніи его въ самомъ текстѣ газеты, обыкновенно пропадаетъ неизменно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на газету „Бессарабецъ“ съ пересылкой или доставкой: на годъ—10 руб., полгода—6 руб., на 3 мѣсяца—3 р. 50 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р. и въ апрѣлѣ 5 р., или при подпискѣ—5 р., въ мартѣ—3 р., въ май—2 р. Подписка принимается исключительно въ г. Кишиневѣ, въ книжномъ магазинѣ „Бессарабца“ и конторѣ „Бессарабца“. Адресъ: г. Кишиневъ, проспектъ Александра II, контора „Бессарабца“. Никто на пріемъ подписки редакціей не уполномоченъ и нигдѣ, кромѣ книжнаго магазина и конторы „Бессарабца“, подписка не принимается. Многогородніе благоволятъ адресовать денежные наказы по указанному выше адресу.

Редакторъ-издатель П. А. Крушеванъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 ГОДЪ

БОЛЬШАЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

самостоятельный въ своихъ сужденіяхъ, чуждый тенденціознаго извращенія фактовъ и безусловно независимый органъ печати. Яркое освѣщая всѣ явленія общественной жизни, имѣя огромную свѣж корреспондентовъ, эта газета при всей своей твердости и неуклонности, справедливая и безпристрастная уже много лѣтъ является, несомнѣнно, наиболѣе полнымъ выразителемъ нуждъ провинціи. Главные отдѣлы газеты, а въ особенности передовой, политическій, съ театра военныхъ дѣйствій, столичной и провинціальной общественной жизни съ ежедневными иллюстраціями, телеграммъ, корреспонденцій и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отличаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней нѣтъ ненужныхъ, несвязанныхъ, случайныхъ замѣтокъ, а ихъ замѣняетъ ЖИВОЕ СЛОВО.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ:

1) „Новая иллюстрація“,

2) „Огонекъ“

какъ по содержанію, такъ и по характеру своихъ иллюстрацій совершенно новаго для Россіи типа. Въ живыхъ наброскахъ нашихъ художниковъ и корреспондентовъ въ нихъ находятъ свои отраженія всѣ ЗЛОБЫ ДНИ. Въ предстоящемъ году будутъ напечатаны: „Петровскіе дни“, историческій романъ эпохи Императрицы Екатерины Великой, гр. Е. А. Саласа. „Нежданно-негаданно“, большой бытовой романъ Вас. Ив. Немировича-Данченко и 15 повѣстей и разсказовъ, преираванныхъ на литературномъ конкурсѣ высшими наградами изъ 1108 произведеній, представленныхъ на конкурсъ.

Главная контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“. С.-Петербургъ, Невскій, 28.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА второго изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей“, вмѣстѣ съ журналами и съ пересылкой: на годъ—4 р. 60 к., на 6 мѣсяцевъ—2 р. 30 к., на 3 мѣсяца—1 р. 15 к., на 1 мѣсяць—40 к. Почтовыми и гербовыми марками въ уплату не принимаются.

Въ 1900 году болѣе 125,000 подписчиковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 ГОДЪ

на общедоступный иллюстрированный медицинскій журналъ для семьи

„НАРОДНОЕ ЗДРАВІЕ“

изданія годъ III-й,

подъ редакціей профессоровъ: Н. И. Вистрова, В. П. Добролюбова, С. И. Замѣйскаго, А. А. Кадяна, А. В. Пеля, Н. И. Тихомирова, В. Ф. Чжака.

Каждый читатель найдетъ въ журналѣ много полезнаго для сохраненія своего здоровья. Въ 1901 г. гг. подписчики получаютъ: 60 №№ иллюстр. журнала, около 2000 стр. тек. и 500 иллюстрацій. Статьи по всѣмъ вопр. общедоступной медицины гигиены. Домашняя аптека. Полезныя свѣдѣнія, отъѣты на письма гг. подписчиковъ. 56 книжекъ иллюстр. прилож. около 4000 стр. тек. и 1000 иллюстрацій. Каждая книжка—общед. лечебникъ отдѣльной болѣзни. Въ общемъ—полный Общедоступный Лечебникъ. „Домашній Врачъ“ подъ спеціальной редакціей гг. редакторовъ журнала. Въ отдѣльной продажѣ книжка 25—50 к. 12 выпусковъ Большой Энциклопедіи, Общедоступная медицина около 1000 стр. тек. и 400 иллюстрацій. Въ „Энциклопедіи“ собрано въ алфавитномъ порядкѣ все, касающееся здоровья человека. Редакція твердо надѣется, что „Энциклопедія“ станетъ настольной книгой во всякой семьѣ, желающей быть здоровой. Особое вниманіе будетъ обращено на издѣльную внѣшность изданія. По концѣ октября 1900 г. гг. подписчики получали, вмѣсто обѣщанныхъ 42 №№ журнала и 20 книжекъ приложений (каждая 40—60 страницъ текста), 52 №№ журнала и 25 книжекъ приложений (каждая 80—180 стр. текста). Подписавшіеся на 1901 г. въ 1900 г. получать журналъ и всѣ приложения за ноябрь и декабрь 1900 г. безплатно.

ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ—4 р., полгода—2 р. 25 к., три мѣсяца—1 р. 25 к. Разсрочка платежа: при подпискѣ—2 р., въ 1 марта—1 р., въ 1 мая—1 р. Подписка принимается въ Главной Конторѣ „Народнаго Здравія“, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., 114 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Полные экземпляры за 1899—1900 гг. (60 №№, 28 книжекъ) съ доставкой и пересылкой 4 р.

Отв. редакторъ-издатель др.-мед. В. И. Раммъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 ГОДЪ
на еженедѣльную финансово-экономическую, торговую и про-
мышленно-техническую газету

„ПРОМЫШЛЕННЫЙ МІРЪ“.

Изданія годъ 2-й.

Газета „Промышленный Мірѣ“ выходитъ еженедѣльно, въ объемѣ 3 листовъ текста, и содержитъ слѣдующіе отдѣлы: I. Правительственныя распоряженія. II. Статьи, обзоры и корреспонденція по финансово-экономическимъ и торгово-промышленнымъ вопросамъ. III. Хроника. IV. Кредитъ и банковое дѣло. V. Акціонерное дѣло. VI. Фабрично-заводскій отдѣлъ. VII. Горное дѣло. VIII. Хлѣбная торговля и мукомольная промышленность. IX. Страховое дѣло. X. Обзоры новейшихъ изобрѣтеній въ области техники. XI. Пути сообщенія, тарифы, фрахты. XII. Обзоръ печати и библіографія. XIII. Вопросы и отвѣты (практическія свѣдѣнія, указанія и сообщенія промышленнымъ дѣятелямъ). XIV. Объявленія.

Редакція газеты „Промышленный Мірѣ“ относится съ полнымъ безпристрастіемъ ко всякому обоснованному мнѣнію по вопросамъ нашего экономического быта. Столбцы газеты открыты какъ для представителей экономической науки, такъ и для просвѣщенныхъ практическихъ дѣятелей, которые прямо заинтересованы въ томъ, чтобы нужды разныхъ отраслей торгово-промышленной дѣятельности своевременно останавливали на себѣ вниманіе общества и правительства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—10 рублей, полгода—5 рублей и четверть года—3 рубля. Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Коломенская ул., д. № 1, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Подписывающіеся на 1901 г. получаютъ газету въ теченіе ноября и декабря 1900 г. **БЕЗПЛАТНО**. Пробы №№ высылаются по первому требованію **БЕЗПЛАТНО**.

Редакторъ-Издатель А. С. Задшупинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 ГОДЪ
на газету приазовскаго края

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Изданія годъ XX.

Редакція „Таганрогскаго Вѣстника“ ставитъ своей задачей разработку вопросовъ мѣстной, экономической и общественной жизни, отдавая въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выходитъ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, въ размѣрѣ полнаго листа, не исключая и дней послѣднихъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки на 12 м.—6 р., 11 м.—5 р. 50 к., 10 м.—5 р. 25 к., 9 м.—4 р. 75 к., 8 м.—4 р. 50 к., 7 м.—4 р. 6 м.—3 р. 50 к., 5 м.—3 р. 4 м.—2 р. 75 к., 3 м.—2 р. 25 к., 2 м.—1 р. 50 к., 1 м.—75 к. Съ дост. и перес. на 12 м.—7 р., 11 м.—6 р. 50 к., 10 м.—6 р., 9 м.—5 р. 50 к., 8 м.—5 р., 7 м.—4 р. 50 к., 6 м.—4 р., 5 м.—3 р. 50 к., 4 м.—3 р., 3 м.—2 р. 50 к., 2 м.—1 р. 70 к., 1 м.—85 к. Подписка принимается: въ Таганрогѣ въ конторѣ редакціи, Николаевская ул., д. № 5.

Тарифъ за объявленія: За строку петита или занимаемое ею мѣсто: на 1-й страницѣ: за 1-й разъ 20 коп., за послѣдующіе 10 к., на 4-й страницѣ: за 1-й разъ 10 к., за послѣдующіе 5 к. Для иногороднихъ 10 к. за строку петита на 4-й страницѣ; на первой страницѣ цѣна двойная. За круглый годъ по всѣмъ померамъ плата за объявленія по взаимному соглашенію. Объявленія на нѣсколько разъ печатаются не менѣе одного раза въ недѣлю. За украшенія—надбавка 10% платы. Доставляющимъ значительное количество объявленій, дѣлается уступка 10%. За рассылку при газетѣ объявленій отдѣльными приложениями взимается по расчету 5 руб. съ 500 экземпляровъ и 8 руб. съ 1000 экземпляровъ. Объявленія принимаются на русскомъ и другихъ языкахъ въ конторѣ редакціи при типографіи, Николаевская улица, домъ № 5. Объявленія для газетъ „Таганрогскій Вѣстникъ“ отъ фирмъ, лицъ и учреждений, находящихся въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, прибалтійскомъ, приазовскомъ краяхъ и за границей (за исключеніемъ объявленій желѣзныхъ дорогъ, Банковъ, пароходныхъ и страховыхъ Обществъ, казенныхъ и благотворительныхъ учреждений и безплатныхъ объявленій отъ разныхъ періодическихъ изданій) принимаются исключительно только въ Центральной конторѣ объявленій Л. и Э. Метцль и Ко въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Сытова и въ ея отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской № 11, но отъ агентуръ и отдѣленій, находящихся внѣ вышеупомянутыхъ мѣстностей, пріемъ объявленій относится къ редакціи и за ея счетъ. Издатель К. Д. Чумаченко. Редакторъ М. И. Красновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 г.
на издающуюся въ Тифлисѣ политическую и литературную
ежедневную газету

НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Газета будетъ выходить въ 1901 году подъ прежней редакціей и по прежней программѣ.

Съ цѣлью удовлетворить все болѣе развивающіеся потребности въ чтеніи, форматъ газеты съ конца нынѣшняго года будетъ уменьшенъ.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: на 12 мѣсяцевъ 10 р., 11 мѣс.—9 р. 50 к., 10 мѣс.—8 р. 75 к., 9 мѣс.—8 р., 8 мѣс.—7 р. 25 к., 7 мѣс.—6 р. 50 к., 6 мѣс.—6 р., 5 мѣс.—5 р. 25 к., 4 мѣс.—4 р. 75 к., 3 мѣс.—3 р. 50 к., 2 мѣс.—2 р. 75 к., 1 мѣс.—1 р. 50 к. За границу: на годъ—17 р., на полгода—9 р., на 3 мѣсяца—5 р.

Для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ, обращающихся непосредственно въ контору редакціи, допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится—3 р., къ 1-му марта—2 р., къ 1-му мая—3 р., и къ 1-му сентября—2 р. Для сельскихъ учителей льготы: подписная цѣна на годъ—7 р., на полгода—4 р.

Листа, подписывающіеся на будущій годъ, получаютъ газету въ нынѣшнемъ году безплатно.

Подписка принимается не иначе, какъ считая съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается въ Тифлисѣ, въ конторѣ газеты, Варягинская ул., д. № 8.

Книги, издаваемые редакціей, будутъ продвигаться подписчикамъ „Нов. Об.“ съ уступкою 50%.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1901 годъ, на еженедельную
политико-общественную и литературную газету

„КРЫМСКІЙ КУРЬЕРЪ“

издающуюся девятый годъ на южномъ берегу Крыма,
въ г. ЯЛТА.

Газета эта, именовавшаяся раньше „Ялтою“, теперь выходитъ въ увеличенномъ форматѣ и даетъ читателямъ самый разнообразный матеріалъ для чтенія, имѣя въ виду интересы не только мѣстныхъ обывателей, но и пріѣзжей курортной публики.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 р., полгода—4 руб., 3 мѣсяца—2 руб. 50 коп., 1 мѣсяць—1 руб. За пересылку за границу доплачивается къ установленной платѣ по 60 коп. въ мѣсяць.

Подписка адресуется: г-ру Ялта, въ редакцію газеты „Крымскій Курьеръ“.

Завѣдывающей редакціей В. В. Волянский.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на нотный журналъ и музыкально-театральную газету

„НУВЕЛИСТЪ“.

Если вы играете на роялѣ или пиане и желаете за 5 р. получить лучшія и новѣйшія ноты, стоящія въ отдѣльной продажѣ не менѣе 75 руб., то подпишитесь на нотный журналъ и музыкально-театральную газету „НУВЕЛИСТЪ“.

Съ 1901 года „Нувелистъ“ вступаетъ въ 62-й годъ непрерывнаго существованія и даетъ 500 страницъ избранныхъ и новѣйшихъ нотъ исключительно для фортепиано и пианъ, т. е. 150 №№ различныхъ пьесъ, танцевъ, романсовъ, попури изъ оперъ, пьесъ „для дѣтей“ и пр. и пр. 12 №№ интереснѣйшей музыкально-театральной газеты съ библѣотеческимъ отдѣломъ (вдвое болѣе предыдущаго года), ДВА художественныхъ портрета и ОДИНЪ альбомъ-премію „Нѣшимъ любви“ (стоящій въ отдѣльной продажѣ 3 руб.) или по выбору гг. подписчиковъ: оперу или другой какой-либо альбомъ при той-же подписной цѣнѣ 6 руб. съ пересылкой всюду.

Нотъ для фортепиано и пианъ будетъ вдвое болѣе, чѣмъ въ прежніе годы, такъ какъ редакція имѣла цѣлесообразнѣе упряднить музыку для струнныхъ и духовыхъ инструментовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми приложениями: Безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ 5 руб., 2) въ Москвѣ у П. І. Юргенсона, Неглинный пр., 14, и въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровск. лин.,—5 руб. 50 коп., 3) въ Одессѣ въ кн. маг. „Образованіе“, Рашевская, 12,—5 руб. 50 коп. Съ доставкой и пересылкой всюду—6 руб. (за границу 8 руб.). Требования просить адресовать: въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „Нувелистъ“ (К. И. Веригарду), Невскій, 50.

При главной конторѣ допускается разсрочка: при подпискѣ—3 руб., къ 1-му марта—2 р., остальное къ 1-му мая; для казенныхъ учреждений по особому соглашенію.

Пробный номеръ, содержащій нотъ на 5 руб., высылается за 8 семикопѣчныхъ марокъ.